

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ

АЗБУКА

Книга II. ВОЛК

Генри Лайон Олди
Волк
Серия «Ойкумена»
Серия «Дикари Ойкумены», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6508191
Дикари Ойкумены. Книга вторая. Волк: Азбука, Азбука-Аттикус;
Москва, Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-06782-0

Аннотация

Марк Тумидус, офицер ВКС Помпилии, пропал без вести за краем Ойкумены. Сбилась с ног внешняя разведка, не знает: искать дальше или похоронить заочно? Планирует смертельно опасную экспедицию дядя Марка – изменник родины, бывший легат Гай Тумидус. Отец Марка, инженер-энергетик Юлий Тумидус, ради сына вступает в конфликт со службой имперской безопасности. Совет Антисов, исполинов космоса, ищет способ шагнуть в загадочную Кровь, не замарав ноги.

А далеко от них, на планете по имени Астлантида, ведет свою войну маленький отряд под командованием унтер-центуриона Кнута. Волк, скаля клыки, ведет поредевшую стаю. Каждый шаг – ловушка. Каждый шаг – попытка вырваться за флажки.

«Волк» – вторая книга нового романа-трилогии Г. Л. Олди «Дикари Ойкумены». Это продолжение знаменитого цикла, начатого романами «Ойкумена» и «Городу и миру».

[Буктрейлер к этой книге](#)

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	64
Глава третья	117
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Генри Лайон Олди Дикари Ойкумены. Книга вторая. Волк

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Мы привыкли к решительным, принципиальным оппозициям. Материя-антиматерия, энергия-антиэнергия... Кто не с нами, тот против нас. Но ведь болезнь – не оппозиция здоровью. В болезни есть много здорового; например, сопротивление организма вирусу.

Я не боюсь, что однажды, прогуливаясь по космосу, как девственница – в портовых трущобах, мы встретим какое-нибудь ужасное «анти». С «анти» мы в конце концов договоримся. Я боюсь, что мы встретимся с кем-нибудь, почти таким же, как мы. Мелкое, несущественное на первый взгляд отличие – если бы вы знали, как я его боюсь!
Адольф Штильнер, доктор теоретической космобестиологии

– Тихо, тихо, – шептал Пак. – Вот, еще ложечку...

Ложка звякала о зубы старика. Чай проливался на байковую пижаму, на грудь, покрытую редкими седыми волосами. Пахло мёдом и лимоном.

– Всё будет хорошо...

Маленький акробат не врал. Он знал, что всё будет хорошо. Он даже врача вызывать не стал. Сколько раз на гастролях они с Луцием отпаивали друг друга при простудах? Ночью наступит кризис, старик проснется мокрым, хоть выкручивай, слабым и здоровым. Вот такая, значит, клоунада.

В окно заглядывала желтушная луна.

Интересовалась.

– Борго, – тихо, но отчетливо сказал Луций. От него тянуло жаром. – Ты помнишь Борго, Пак? Сампан-чох, полосатый шапито. Билетер с пышными усами. Буфетчица – его жена. Мы делали по три представления в день. Случалось, что четыре, с шефским на выезде. Я чуть не сдох... Я купил там аэромоб. Мой первый аэромоб. Мы хорошо зарабатывали, Пак. Я увидел моб и влюбился. Нет, ты помнишь?

– Ага, – кивнул Пак.

Еще бы он не помнил. Серебристый аэромобиль, «Брени» класса «люкс». Хозяин салона подарил Луцию громадный бак с краской. На всю жизнь хватит, сказал хозяин. Типун тебе, дураку, на язык, ответил Луций. Краску, правда, взял.

– Космопорт. Мы ехали по трассе. Я хотел лететь, но у меня не было прав. На Борго беда с разрешением на полеты... Помнишь? Нас предупредили, что бандиты по дороге отбирают машины у таких лопухов, как мы. Прижимают к обочине на глухих участках трассы...

– Ты пей. Тебе надо много пить...

– Наши фуры вели брамайны. Фуры с реквизитом, с животными... Ты помнишь их? – кажется, старика повело на навязчивом «помнишь?». Он повторял это раз за разом, с лихорадочным блеском в глазах. – Не фуры, нет. Брамайнов? Здоровенные парни, плечи как у борцов... Я спросил

их: что, правда? Они кивнули и показали пушки. Автоматические пушки, такие, с кургузыми стволами. Они хранили их в кабинах.

С огромным трудом старик поднял руку. Вытянул указательный палец, наставил в окно, на пористый, будто сыр, диск Лукреции. Прицелился: ба-бах! Выстрел получился жалким: губы Луция шевельнулись без звука, чистым выдохом. Воспользовавшись моментом, Пак сунул в рот больному ложечку с чаем. Это был уже второй стакан. В первый карлик подмешал изрядную толику бальзама: лекарства от всех недугов, кроме смерти. И тщательно проследил, чтобы Луций выпил, не проливая.

– Ты бы помолчал, – недовольно буркнул Пак. – Лучше спи...

– Вечером мы сидели с Настасьей. Ну, с Рябушинской... Помнишь Настю? Шикарная женщина, ходячий инфаркт. Ты напоил нас до синих поросят. Ревновал, да? Хотел, чтобы я ничего не смог? Я и не смог...

– А я смог, – пожал плечами акробат. – Я очень даже смог.

– Я ее спрашиваю: Настя, что ты будешь делать? Она берет за пуговку... Нет, говорю, если бандиты? Что, а? Она смеется: Машку выпущу. Пусть Машка с бандитами целуется, она у меня ласковая. Помнишь Машку, Пак? Как встанет, это же кошмар...

– Кошмар, – согласился Пак. – Ну, еще ложечку...

Когда Машка, медведица Анастасии Рябушинской, издох-

ла, вся труппа вытаскивала дрессировщицу из глухого запоя. Медведи в неволе живут долго, с Машкой работал еще Павел Рябушинский, отец Насти.

– Я и тебя спросил. А ты наутро повел меня в магазин... Где ты нашел этот магазин? Я и не знал, что там есть такой...

Пак оставил пустой стакан. Тронул ладонью горячий лоб старика, нахмурился. Больной Луций ему не нравился. Нравился здоровый. Ничего, проспится, пропотеет – очухается.

– Оружейная лавка, – сказал Пак. – Антиквариат. Никаких лучевиков, никаких игольников. Импульсники – ни-ни. Только пулевики, в лучшем виде. Раритеты. Цены – зашибись...

Старик ослабился:

– Я взял себе «Барни». И три запасные обоймы.

– И кобуру, – уточнил акробат. – Наплечную кобуру из натуральной кожи. С тиснением. С перламутровой кнопкой. Ты пижон, Луций. Ты родился пижоном, пижоном и померешь. Хочешь гроб с тиснением, с перламутром?

– И кобуру, да. Ты всё помнишь, ты умница...

Старик замолчал. Раздумывая о том, что надо заставить Луция помочиться перед сном, и прикидывая, как уговорить вредного клоуна сходить на горшок, а не тащиться в туалет, Пак словно вживую видел шоссе на Борго. Цирковой караван, головными – две фуры, длинные как сроки заключения за убийство с отягощающими. Новенький моб Луция, серебристый красавец. Луций за рулем, Пак рядом. Между ними

и второй фурой – красная «Старрена» Рябушинской, фургон с запертой беспокойной Машкой.

– Они догнали нас, – заплетающимся языком бормотал старик. Луций задремывал, но боролся со сном, не желая отказываться от воспоминаний. – Догнали, поехали рядом. Два кабриолета с битками. Рукава трещат от бицепсов... Смеялись, показывали: сворачивайте! Руками размахивали...

– Ты достал пистолет, – кивнул Пак. – Достал и помахал им, как флагом.

– Да...

– Ты смеялся. Я до сих пор помню твою смеющуюся рожу.

– Да...

– Обычно смеялись над тобой. А тут смеялся ты. Битки полчаса ехали рядом с нами. А потом свернули налево, и больше мы их не видели. Ты напугал их, старый хрен. Пистолетом? Нет, своей клоунской, своей хохочущей рожей. Что, за машину геройствовал? За новую машину?

Старик внезапно сел. В глазах Луция отразилась луна.

– Ненавижу оружие, – сказал клоун. – Ненавижу.

Часть первая

Астлантида

Глава первая

Вы псих, унтер-центурион Кнут!

I

– ...Три... два... один... Старт!

Плотно сжатые губы термосиловых плит разошлись. Распахнулся зев десантного отсека, и катапульта мягким толчком языка отправила косточку бота в открытый космос. Включив маневровые движки, бот камнем ухнул на добрую сотню метров вниз, к планете, освобождая «Дикарю» сектор обстрела. Компенсаторы инерции работали исправно, но от вида борта либурны, уносящегося ввысь, у Марка засосало под ложечкой. «Мы падаем! Мы разобьемся!» – вопило зрение. «Все в порядке, мы не двигаемся,» – меланхолично констатировал вестибулярный аппарат, спокойный, как сытый удав.

Конфликт ощущений, вспомнил Марк. Чтобы он приту-

пился, нужно, как минимум, пятьдесят боевых десантирований. Имитаторы тут не помогут. До конца конфликт ощущений не исчезнет никогда: так устроен человеческий организм. Просто с какого-то момента ты перестаешь обращать на него внимание.

Он поймал взглядом «гробик» туземного корыта, зависший в километре от либурны. Вид лайбы, как ни странно, примирил зрение с вестибулярным аппаратом. Сосущее чувство в груди исчезло. Марк расслабился, улыбнулся, и тут зловередная лайба плюнула в «Дикаря» рыжим пламенем.

Верхний край обзорника пожрала слепящая вспышка. Марка пронзил электрический разряд тревоги. Что-то случилось! У «Дикаря» отказала защита? В то, что примитивный снаряд туземцев смог ее пробить, Марк не верил ни секунды.

Командир абордажников, центурион Скок, среагировал без промедления. Вдавлен в кресло навалившейся перегрузкой, Марк на собственной шкуре выяснил, за что центурион получил свое прозвище. Бот буквально прыгнул прочь от либурны, уходя к бело-голубому шару планеты. Компенсаторы не сумели до конца погасить чудовищное ускорение. «Куда?! – забывшись, хотел крикнуть Марк. – У нас боевая задача!»

И замер с открытым ртом.

Левый обзорник выдал картинку задней полусферы. За кормой бота, пожрав «Дикаря» целиком, блестел огромный

пузырь – пурпур с золотом. Казалось, защитное поле либурны сошло с ума, вдруг став видимым. Это было красиво. Это было страшно. Но главное, это было невозможно. Миг, и Марк разглядел в боку пузыря черную воронку: торнадо из бешено крутящегося мрака. Жадный хобот присосался к борту корабля, концом уходя в уродливый пролом, исчезая в недрах либурны.

Червь вгрызлся в спелое яблоко.

«Там же термосил! – молоточками ударило в мозг. – Обшивку выдерживает прямое попадание из плазматора!»
– Т-твою когорту! – прохрипел декурион Жгун.

Чернота расползлась от воронки, уродуя пузырь тонкими прожилками трещин. Яйцо, готовое расколоться, выпускало в Космос чудовищного птенца. Но мрак растворял птичье тело, струйками яда вливался в пурпур и золото, и яйцо превращалось в лиловый волдырь. Вот-вот он извергнет наружу не птенца, а зловонный гной. Отрава затопит орбиту планеты, всю систему без остатка – и выплеснется дальше, в Космос, захлестнет Ойкумену от края до края...

«У меня шок. Это от перегрузки. Нет! У меня *сорвало шелуху*, как во время дуэли с Катилиной. То, что я вижу – галлюцинативный комплекс, вторичный эффект Вейса...»

Из пролома в борту «Дикаря» вырвался столб ослепительно-белого света. Марк рефлекторно зажмурился, уже понимая, что сейчас произойдет – неважно, галлюцинация это или нет. Веки не спасли. На орбите четвертой планеты систе-

мы АР-738412 вспыхнула миниатюрная сверхновая, затмив центральное светило. Скок принял единственно верное решение, уводя бот на форсаже. Бросив всю энергию на двигун, центурион спешил уйти подальше и включил защитное поле лишь в последний момент. Без него световой удар смял бы бот в оплавленную лепешку. Но боту все равно досталось. Защита надрывалась, внутри силового кокона металлопластовую «жабу» трясло, как в лихорадке. Что-то горело, искрило, трещало. Багряными сполохами мигали алармы, кричали ослепшие люди – ярчайший бич хлестнул по сферам обзорников, врываясь в бот, и автоматика опоздала с затемнением.

Марк отчаянно старался проморгаться. Перед глазами расплывались, бледнея и угасая, пятна: белые, алые, золотистые. Между ними радостно вспыхивал звездопад, словно через голову унтер-центуриона Кнута проходил блуждающий метеорный поток.

«Это на самом деле, – сообразил Марк. – Это проводка искрит.»

Он вытер глаза рукавом. Шипящие искры сыпались с потолка, из малого технического лючка. Крышку сорвало с креплений, теперь она болталась над головой Марка, чудом удерживаясь не пойми на чем. В ноздри ударила едкая вонь паленой изоляции. Марк закашлялся. Вытянув шею, он глянул на пульт – через плечо командира, сгорбившегося в ложементе первого пилота. Два обзорника из трех и управля-

ющая голосфера погасли, контрольные индикаторы пылали алым. Из-под решетки охлаждения ползла сизая змейка дыма. Зато пульт напротив пустого кресла второго пилота играл веселой россыпью зеленых огоньков. Вся военно-космическая техника Помпилии имела двойные, а случилось, что и тройные контуры управления.

Вокруг матерились, приходя в чувство, либурнарии. Все живы, хвала Космосу! О погибшем «Дикаре» Марк запретил себе думать. Главное сейчас – выжить самим.

Впереди зашевелился центурион Скок. Оценив повреждения, он хотел подогнать свое кресло по дуговой направляющей к уцелевшему дубль-пульту. Сервопривод беспомощно подвывал, скуля и жалуясь на судьбу. Скок чертыхнулся, отстегнул ремни безопасности, выбираясь из кресла. Ему оставался шаг до выбранной цели, когда бот догнала, стремительно расширяясь и редая по пути, волна раскаленной плазмы. Она должна была достигнуть бота много раньше, но сейчас никто не задумался о причинах задержки.

Огненный прилив подхватил утлую скорлупку. Завертел, швырнул к планете; с явным разочарованием схлынул, успокаиваясь. Скорлупка, к счастью, выдержала – не развалилась на пылающие обломки, даже не треснула.

Зато внутри...

Предыдущий удар показался либурнариям шутивым подзатыльником, за которым последовал нокаутирующий хук с правой. Марк потерял сознание. Очнувшись, он ощу-

тил себя на тренировочной центрифуге, с гудящим колоколом вместо черепа. Все тело ломило так, словно по Марку пробежалось стадо кутхийских мамонтов. На единственном уцелевшем обзорнике звёзды и бело-голубой бок планеты, вырастая на глазах, слились в одну безумную карусель. Система искусственной гравитации худо-бедно работала, но болтало машину так, что желудок едва не вывернулся наизнанку.

Где командир? Почему за пультом никого нет?!

II

Марк отстегнулся. Его качнуло, он едва не грохнулся в проход. В последний момент он все же успел уцепиться за спинку пилотского кресла. Тело отозвалось ноющей болью, но Марк подтянулся на немеющих руках и выглянул из-за ложемента. Командир абордажной группы скорчился в узком пространстве между пультами, неестественно вывернув за спину левую руку. Вокруг головы Скока по полу расплзалась глянцевая темно-багровая клякса.

*«— Какие военные специальности успел освоить?
— Навигатор либуры, второй пилот...»*

— Принимаю управление на себя!

Голос сорвался на мальчишеский взвизг. Плевать. Не важ-

но.

– Обер-декурион Ведьма, окажите помощь командиру!

– Есть оказать помощь, – прохрипели сзади.

Марк не слушал. Он застегивал на животе и груди страховочные ремни. Идентификация, доступ... Активировать дубль-пульт. Смена приоритета систем... Сфера мигнула, пробуждаясь, и окутала Марка виртуальным коконом. Пошли данные: координаты, параметры курса, скорость, расчетная траектория, сообщения о повреждениях и состоянии систем бота...

Бот, кувыркаясь, падал на планету. Маневровые двигатели отозвались с неохотой. Кораблик, норовистый жеребец, не спешил подчиниться новому седоку. «Запаздывание – до четверти секунды,» – оценил Марк. Плохо, но не смертельно. С третьей попытки ему удалось остановить вращение. Картинки в сфере и на обзорнике замерли, едва заметно подрагивая. Рядом, втиснувшись в узкий зазор, Ливия Метелла возилась с бесчувственным командиром. Марк запустил коррекцию траектории и позволил себе на минуту отвлечься:

– Жив?

– Без сознания. Открытая черепно-мозговая, перелом руки...

В голосфере, видимая только Марку, замигала красная надпись: «До входа в атмосферу осталось 2 минуты!» Поползли цифры обратного отсчета.

– Зафиксировать командира в кресле!

– Есть зафиксировать!

– Минута пятьдесят до входа в атмосферу. Всем пристегнуться! Спуск будет жестким...

– Есть пристегнуться!

Включился основной двигун. Объемные столбики диаграммы мощностей уверенно поползли вверх. Индикатор защитного поля перестал нервно мигать, загорелся ровным зеленым светом. Живем! Все, оказывается, не так плохо...

Надвигающаяся планета окуталась пурпурной дымкой. Дымка очерчивала условную границу стратосферы – для наглядности, как в компьютерной модели. Что за ерунда?! Цветопередача сбоят? Местный оптический феномен?

...защитное поле «Дикаря». Пурпурно-золотистый пучок в космосе. Чернильный мрак воронки, уходящей внутрь, выбрасывает аспидные побеги. Вспышка, на месте либурины возникает шар бушующей плазмы...

...Пурпур, багрянец, киноварь. Оттенки красного. Цвет тревоги. Предупреждение. Опасность. От опасности нужна защита. У «Дикаря» была защита. Она не спасла...

Остаточные явления, подумал Марк. Все-таки меня сильно приложило. Мысль о психотравме была правильной, логичной. Марк отбросил ее, как несущественную. Опалесцирующий пурпур заливал уже всю сферу. Потянувшись к вирт-сенсору, Марк отключил защитное поле за миг до того,

как бот нырнул в пурпур.

Он сам не знал, зачем это сделал.

Машину тряхнуло так, что у людей лязгнули зубы. Двигун взвыл на пределе, выходя на форсаж. Марк толкнул рукоятку тяги от себя, сбрасывая мощностъ. Двигун не послушался. Вой нарастал, переходя в рев: хриплый, надсадный. Марка вдавило в кресло. Еще немного, понял он, и бот развалится или взорвется. Тело налилось свинцом. Рыча, срывая связки, Марк протолкнул неподъемную руку сквозь воздух, загустевший, как смола, и кулак кувалдой рухнул на пульт.

Отключение энергии.

Тишина. Тело легкое, пустое. Длинное, бесконечное мгновение блаженства. В небе над головой – росчерки перистых облаков. На них можно смотреть без конца...

– Кнут! Ты рехнулся!

– Молчать!

– Мы разобьемся!

– Не мешать! – рывкнул Марк, возвращаясь в реальность.

И обер-декурион Метелла заткнулась.

Легкость в теле осталась. Невесомость. Он отключил движун. Бот падает. Почему исчезла искусственная гравитация? Индикаторы на пульте мигают вразнобой. По крайней мере, пульт работает. Это главное. Не все системы вырубилась. Высота. Скорость падения. Траектория...

Разогрев корпуса близок к критическому...

Пора!

Вновь запустить основной двигун Марк не отважился. Если реактор пойдет в разнос – во второй раз он может и не успеть. Маневровые движки отозвались со знакомым запаздыванием. Рывком вернулась тяжесть, началась болтанка. Бот рухнул в слой облаков, и умная аппаратура переключилась с оптического на другие диапазоны. Марк тормозил маневровыми, без жалости выжигая ресурс маломощных химических движков. Они, по крайней мере, слушались пилота, в отличие от безотказного, мать его, движуна – универсального двигателя, гордости энергетических технологий Ойкумены.

Пурпурная завеса исчезла. Наверное, следовало все-таки запустить двигун, но Марк не хотел рисковать. Он не знал, что происходит. Анализировать ситуацию не было времени. Когда техника отказывает, энергия выходит из-под контроля, а незримое становится видимым, грозя испепелить тебя взрывом – остается действовать по наитию, полагаясь на первобытные инстинкты и столь же первобытные химические реакции, которые, оказывается, исправно работают в предательской дыре за границей Ойкумены.

Бот вывалился из облачной пелены. Внизу, быстро приближаясь, замелькали горбы старых, выветренных гор. За горами распахнулась широкая долина. Сквозь ядовитую зелень джунглей местами проблескивала водная глядь. Озера? Болота? Скверное место для посадки, но выбирать не приходится: ресурс маневровых на исходе.

– Держитесь!

Бот постепенно терял скорость, но она еще была слишком высока. Марк вывел машину на пологую глиссаду, и тут один из четырех движков заглох: кончилось топливо. Бот повело, Марк врос в сферу управления, корректируя траекторию и тратя последние литры горючего в оставшихся движениях. Глиссада превратилась в ломаную линию. Машину мотало из стороны в сторону. Слишком быстро, подумал Марк. Проклятье, мы падаем слишком быстро...

Верхушки деревьев были уже рядом.

Когда раздался треск сучьев и дикий визг металлопласта, Марк рывком дал полную мощность на все движки, в режиме обратной тяги. Остатки топлива сгорели в пару секунд, но, похоже, именно это спасло бот и его экипаж. Снося кроны, валя гибкие, пружинящие стволы, бот взломал стену джунглей, оставив за собой двухсотметровую просеку, и ткнулся носом в топкий берег болотца.

Днище машины на полтора метра зарылось в зловонный ил.

* * *

Тишина.

Лишь со слабым треском искрит оборванная проводка – в кормовой части и здесь, под потолком. В воздухе плавают сизые клочья дыма.

Першит в горле. Глаза полны слез.

– Эй, Кнут! – спрашивает Метелла из-за спины. – Ты в курсе, что ты полный псих?

– В курсе, – соглашается Марк, не оборачиваясь. Он все еще пристегнут к пилотскому ложементу. – И на «вы», пожалуйста.

– Вы псих, унтер-центурион Кнут.

– Вот, уже лучше.

– Вы нас спасли. Я не знаю, как вам это удалось...

Марк молчит. Он и сам хотел бы это знать.

III

Десантная аппарель открылась со второй попытки. Поначалу автоматика ответила отказом, и Марк едва не запаниковал. Вряд ли они сумели бы вытащить Скока через аварийный люк, а оставаться внутри бота было нельзя. Система вентиляции сдохла; в кормовом отсеке что-то тлело, оттуда полз удушливый, едкий дым. Еще несколько минут, и чудом выжившие либурнарии попросту угорят. Повторная команда прошла. Алый огонек сменился зеленым, в недрах запорного устройства раздался щелчок. Тяжелая аппарель ухнула в топкую грязь, впуская в бот лучи чужого светила и влажный, наполненный тухлыми миазмами воздух.

Сдохла не только вентиляция: отказало больше половины всех систем. Атмосферные анализаторы, к счастью, дей-

ствовали: их алармы молчали. Это означало: атмосфера пригодна для дыхания, биологической опасности не выявлено. Никаких зловредных вирусов и бактерий, с которыми бы не справилась стандартная биоблокада.

Единственная хорошая новость за сегодня.

Марк шагнул наружу. «Универсал» снят с предохранителя, режим непрерывного огня, палец на спуске. Падение бота распугало все зверье на километр вокруг, но осторожность никогда не бывает лишней. Да и зверей ли стоит опасаться в первую очередь?

Широкая просека уходила в глубь джунглей. По краям ее укоризненно стояли искалеченные деревья, тряся сломанными ветками. Со стволов, как полосы содранной кожи, свисали ленты свежей коры. Просека упиралась в корму бота; нос машины уткнулся в мелкое болотце. Там натужно булькала вода, исходя вонючим паром. Раскалившийся во время спуска корпус остывал с неохотой.

Марк огляделся. В двух десятках метров взгляд увязал в пятнистой зелени. Рассмотреть что-либо в этой мешанине не представлялось возможным. Болотные испарения ползли над бурой жижей, над лопающимися пузырями: морочили, притворялись хищными рептилиями. Тепловой сканер, дрянь этакая, артачился: температура была за тридцать. Горячая туша бота давала такой мощный инфракрасный фон, что на нем не удалось бы зафиксировать и стадо бегемотов. Марк пощелкал диапазонами сканера: вроде, чисто. Решив-

шись, он махнул рукой остальным:

– Выходим!

Обер-декурион Ведьма и опцион Змей вынесли на носилках беспамятного командира. Последним выбрался декурион Жгун. Он заметно прихрамывал, держа «Универсал» левой рукой. Правая рука Жгуна, прижатая к груди, покоилась на самодельной повязке. При каждом шаге декурион морщился – как он ни старался ступать мягко, любое движение отдавалось в сломанной кости резкой вспышкой боли.

Присмотрев бугорок посуше, на открытом пространстве, Марк указал на него:

– Туда.

Носилки с командиром осторожно опустили на землю. Жгун окинул взглядом безрадостный пейзаж и поделился выводом:

– Мы в жопе.

Сплюнув под ноги, он внес коррективы:

– В полной жопе.

– Отставить! Разговорчики...

Марк ответил на рефлекс, не задумываясь, и обнаружил, что находится в центре внимания. Вдоль позвоночника метнулась стая мурашек. Заломило шею, тупая боль поднялась выше, к затылку. «Я старший по званию после Скока, – запоздало осознал Марк. – Командир. Великий Космос, лучше бы я сдох...»

Он обождал, пока схлынет нервная дрожь.

– Становимся лагерем...

Надо говорить очевидные вещи. Надо, чтобы в словах звучала уверенность. Никаких сомнений! Унтер-центурион Кнут знает, что делать. При этой мысли дрожь вернулась и усилилась. Очевидные вещи, шепнул страх. Очевидные глупости, господин унтер-центурион. Говорите, не стесняйтесь. Здесь все свои.

– Прогоняем диагностику. Выясняем степень повреждений. Далее – по обстановке. Кто-то имеет медицинскую подготовку?

Щелкнув каблуками, Ливия Метелла вытянулась по стойке «смирно» – так, словно находилась на плацу, а не посреди джунглей на чужой планете:

– Помощник медикус-контролера 2-го ранга!

– Возьмите из бота аптечку и займитесь ранеными. Декурион Жгун! Выберите позицию и ведите наблюдение. О любом изменении обстановки докладывать немедленно.

– Есть докладывать немедленно!

– Опцион Змей – со мной. Выносим из бота все необходимое для обустройства лагеря. Выполнять!

Следующие три часа слились для Марка в дикую, изматывающую круговерть. Из духоты болота он нырял в угарный чад, царивший в боте. Они со Змеем взваливали на себя контейнеры с НЗ, канистры с питьевой водой, связки телескопических вешек с датчиками для ограждения периметра – и, перхая горлом, рыдая от рези под веками, спотыкаясь на

каждом шагу, спешили наружу. Сгружали добычу, переводили дух, возвращались в бот. Оружие, боеприпасы, спальные, противомоскитные сетки, сухпайки, биофильтры, сканеры наблюдения, портативный терминал, блоки питания, аккумуляторы...

Влажность леса и болотные испарения быстро дали себя знать. Марк взмок хуже, чем в бане. Влагопоглощающее белье, надетое под защитный комбинезон, не справлялось; по лицу текли ручьи пота. Марк едва успевал утирать пот рукавом, чтоб не затекал в глаза, изъеденные гарью. Он даже решил было включить климатизатор, встроенный в одежду, но передумал: следовало беречь заряд батарей.

Поблизости мелькала Ведьма, занятая делом. Она уже успела вытащить из бота коробки с индивидуальными аптечками, контейнеры с лекарствами, стимуляторами и дезинфицирующими средствами, перевязочные пакеты, набор полевых хирургических инструментов – и теперь, облепив Скока датчиками, налаживала переносной диагностический блок.

В стандартную комплектацию десантного бота входило все необходимое для экстремального выживания экипажа при непредвиденной посадке. Но не до всего удалось добраться. Дверь в кормовой отсек заклинило намертво. Дым из-за нее исправно просачивался, но открываться проклятая дверь отказалась наотрез. В кормовом отсеке осталась регенерационная капсула, так необходимая центуриону Скоку, два тяжелых излучателя «Тайфун» с боекомплектами, ре-

зерв аккумуляторов, запчасти для ремонта, дубль-блок дальней связи...

Главное, корма до сих пор горела или, как минимум, тлела. «Только бы не рвануло! – как заклинание, твердил Марк. – Только бы...» С каждым повтором заклинание все больше становилось похожим на молитву. Марк надеялся на чудо, потому что больше надеяться было не на что.

Наконец он в изнеможении рухнул возле груды спасенного добра. Затылок пульсировал, подобно созревшему нарыву. С минуту Марк лежал, раскинув руки, бездумно глядя в небо – блекло-голубое, с прозеленью. Косматый диск солнца клонился к закату. Парить стало меньше, корпус бота частично остыл. От машины больше не несло жаром, вода вокруг носа прекратила булькать.

С трудом сдержав стон, Марк поднялся на ноги.

– Опцион Змей!

– Я!

– Займитесь установкой периметра. Обер-декурион Ведемма!

– Здесь!

– Как закончите с ранеными, поможете Змею в обустройстве лагеря. Я иду в бот. Запущу диагностику и присоединюсь к вам.

Едва ли не на ощупь Марк добрался до бокса со скафандрами. Загерметизировал шлем, включил подачу кислорода. Кислород, как и энергию, следовало экономить. Но кто зна-

ет, сколько придется провозиться с диагностикой? Угореть в боте можно за пять минут. Несмотря на десантный люк, распахнутый настежь, Марк не хотел рисковать.

Первичный тест системы прошел со скрипом. Две трети секторов в сфере горели красным, но неисправности по крайней мере определялись. Значит, центральный компьютер в порядке. Марк вздохнул с облегчением и, разумеется, «сглазил». Программа генеральной диагностики спала, как убитая. С полчаса Марк уговаривал ее, грозил кнутом, манил пряником – и потерпел сокрушительное поражение. Пришлось гнать диагностику по отдельным модулям и системам: долго, мучительно, через задницу. Параллельно он расконсервировал «жуков». Без программного наведения и подробных инструкций оператора «жуки» могли устранять лишь самые простые поломки: сращивать порванные кабели, заваривать пробоины, чинить элементарную механику.

Он взглянул на цифры обратного отсчета в контрольной сфере. До окончания диагностики систем и сведения результатов в интегральную картину оставалось шесть часов сорок две минуты. Марк выставил таймер на коммуникаторе и полез наружу.

IV

– Идите спать, Кнут.

– Не хочу.

– Напрасно. До смены еще два часа.

Марк глянул на светящиеся цифры таймера:

– Через час будет готова диагностика. Все равно уже не засну...

Ведьма промолчала.

Ночь легла на плечи сырым одеялом, придавила к земле. Край болота – скверное место для лагеря. К сожалению, выбирать не приходилось. Хорошо хоть, зной чуточку спал. Марк смотрел в небо, борясь с легкой тошнотой. Мгла, неприятная, как дурной вестник, сгустилась над головами. Ни звезды, ни лучика, но и черноты ночного неба тоже нет. Безвидная тьма объяла мир. Запрокинешь голову, и к горлу подкатывается комок. По левую руку тяжело вздыхало болото: в его глубинах что-то без лишней спешки перемещалось и смешивалось. Время от времени на поверхности глухо лопались пузыри газа. К их всхлипам Марк успел привыкнуть. Близкие джунгли тоже не молчали: шорох, шелест, писк. С размеренностью метронома раздавался монотонный скрип. Дерево? Птица? Зверь? Гигантская, судя по звуку, цикада?

К людям не суется, и ладно.

Во тьме теплилась россыпь огоньков: зеленых, красных, желтых. Индикаторы диагностического блока. Марк встал, сделал шаг, другой, постоял с минуту возле облепленного датчиками Скока. Командира, так и не пришедшего в сознание, накрывал стандартный полевой «гробик» противомоскитной сетки. Под нее от диагност-блока уползали тонень-

кие корешки проводов. С одной стороны «гробик» вспучивала бесформенная опухоль, нарушая симметрию конструкции. Там в сетку изнутри ткнулся бок капельницы с питательным раствором. Ведьма сделала, что могла, но командир требовался квалифицированный врач, а не помощник медикус-контролера. Врач плюс регенерационная капсула, до которой не удалось добраться.

«Состояние стабильно-тяжелое, – доложила Ливия. – Помереть я ему не дам. Во всяком случае, до утра. В остальном...»

И развела руками.

У Жгуна диагностировали двойную травму левой руки: закрытый перелом локтя и вывих плеча. Завершал диагноз сильный ушиб левого бедра и растяжение коленных связок. Жгуну тоже не помешал бы регенератор, но тут хватило навыков Ведьмы. Плечо Ливия вправила, удостоверилась, что сломанные кости не сместились, и зафиксировала локоть. Под аккомпанемент брани, изрыгаемой Жгуном, она накачала сквернословия всем, что имелось в ее распоряжении: стимуляторы, витамины, обезболивающее, биопрепараты кальция... Запрограммировав аптечку на дальнейший цикл инъекций, Ливия прилепила выносной модуль к пострадавшему плечу и отправила Жгуна спать.

Рядом с «гробиком» мерцала сфера портативного терминала. Защитное поле Марк приказал не ставить: уйму энергии жрет, не напасешься. Ограничились контрольными дат-

чиками и миниатюрными камерами наблюдения по периметру. Все данные от датчиков и камер поступали на терминал, за которым сейчас дежурила Ведьма. До сих пор попыток нарушить периметр не было.

Марк присел рядом с Ливией, на ящик с саморазогревающимися консервами. Заглянул в сферу: ничего подозрительного. Он ждал, но Ведьма как воды в рот набрала.

– Не понимаю, – сказал Марк.

Голос прозвучал сипло, утренним карканьем вороны. Марк откашлялся, сглотнул и повторил:

– Не понимаю.

– Что именно?

– Все. От начала до конца. Как эта лайба сумела уничтожить «Дикаря»? Почему двигун пошел в разнос? А главное, почему мы здесь?!

Ливия обернулась:

– Мы совершили вынужденную посадку, – отдельно, как ребенку, объяснила она. – Вынужденную посадку на планету.

Марк с досадой поморщился. Похоже, Ведьма решила, что у командира вот-вот начнется истерика.

– Это как раз понятно. Непонятно, почему нас вообще сюда отправили.

Кажется, ему удалось удивить Ведьму.

– У нас спасательная миссия, – брови Ливии поползли на лоб. – Плюс разведка на месте. Пропала «Игла» с тремя чле-

нами экипажа...

– Пропали люди, – Марк изо всех сил сдерживал себя. Хотелось кричать, тыкать Ведьму носом в очевидное. – Не погибли, не потерпели аварию. Не в плен угодили, в конце концов! Пропали, и все. Почему командование не выяснило, что конкретно с ними случилось, прежде чем посылать сюда «Дикаря»?!

– Как вы себе это представляете, Кнут?

– Элементарно!

Все-таки кричу, подумал он. Надо спокойнее.

– Да, я в курсе: гиперсвязь тут не работает. Но мы же помпилианцы! Помпилианцы, Ведьма! У всех членов экипажа «Иглы» есть рабы. Неужели ни у кого из пропавшей троицы не нашлось *почтового* раба, через которого он передал бы сообщение?! Даже если так, через обычного раба тоже можно связаться без проблем. Если разведчики погибли, то их рабы должны были освободиться! Это же проще простого! Почему никто из командования не удосужился проверить...

Ливия смотрела на него: печально, с сочувствием.

– Это ваш первый дальний рейд, Кнут. Вы не могли знать...

Она умолкла. Марк не торопил ее, ожидая продолжения.

– Рабы... Вы чувствуете своих рабов, Кнут?

– Конечно!

Марк ответил, не задумываясь. Дурацкий вопрос! Конечно, он чувствует своих рабов. Как может быть иначе?!

– Не спешите с ответом. Попробуйте потянуть за поводок. Любого раба, на ваш выбор. Прикажите подойти к ближайшему сервус-контролеру и сообщить, что с нами случилось. Пусть контролер срочно свяжется с разведуправлением сектора. Уведомит, что мы нуждаемся в помощи. Давайте, командир!

В словах Ведьмы ощущался подвох.

– А как же секретность миссии?

– Не смешите, Кнут! Вы хотите отсюда выбраться? Хотите вытащить всех нас? Действуйте! Никаких секретов ваш раб не разгласит. Пусть доложит, что выжили хозяин, и четверо с ним. Совершили вынужденную посадку на целевую планету. Срочно нужна помощь. Никаких имен, названий, координат. В управлении всё поймут и вышлют спасателей.

Логично, согласился Марк. Возразить Ведьме было нечего. Хочешь спасти своих людей, Кнут? Спастишь сам? Вперед! Ты командир, тебе решать. Или ты предпочитаешь сопли жевать?! Он чувствовал десятки ментальных поводков, уходивших от него в бескрайние дали Ойкумены. Потянуть за любой из них, отдать приказ живой батарееке на другом конце Галактики... Хорошо, когда у батареек есть языки. Марк сформулировал приказ: короткий, ясный, без лишних подробностей – и отправил по поводку волевой импульс.

Тишина.

Отклика не было.

Его воля ухнула во вселенскую пустоту, в мировое про-

странство, и канула в ней без следа. Раб прилежно трудился, отдавая энергию на благо Великой Помпилии. Приказ хозяйина он проигнорировал.

«Не проигнорировал, – мысленно поправил себя Марк. – Раб не в состоянии игнорировать приказы. Не услышал, не воспринял...» Он попробовал еще раз. Он вложил в посыл весь ресурс помпилианского клейма, всего себя без остатка. И едва не упал в обморок – ослеп, оглох, тело сделалось ватыным. Мир исчез, провалившись в тартарары...

– Кнут! С вами все в порядке?!

– Я...

Реальность возвращалась медленно, с неохотой. Марк помотал головой, восстанавливая ясность мышления. Перед глазами роились буйные искры.

– У меня не получилось. Нет отклика... Почему?!

– Наверное, мне следует попросить у вас прощения. Я не думала, что вы так переусердствуете. Но вы должны были сами убедиться. Мы за пределами Ойкумены, Кнут.

– Поясните.

Тошнота усилилась. Он едва не выблевал ужин под ноги Ведьме.

– Вот. Сделайте глоток...

В губы ткнулось теплое металлическое горлышко. Марк ухватился за флягу, как утопающий – за спасательный круг. Запрокинув голову, судорожно хлебнул и закашлялся. Крепчайший кизилковый бренди обжег горло. Градусов семьдесят,

не меньше!

– Полегчало?

В голосе Ливии сквозило искреннее участие.

– Спасибо.

Марк вернул Ведьме флягу. Обер-декурион тоже приложилась к горлышку: деловито, словно лекарство приняла. Завинтила крышку, убрала флягу, покосилась на контрольную сферу. Там царило спокойствие.

– Мы за пределами Ойкумены, – вздохнула Ливия. На Марка она старалась не смотреть. – Здесь все другое. Пространство, время, энергетика. В какой-то степени, другие законы мироздания. Чем ближе к окраинам Ойкумены, тем хуже работает гиперсвязь. Труднее рассчитывать РПТ-маневры. Есть разные феномены...

Последнее слово Ведьма выплюнула с открытой ненавистью.

– Наши пытались связываться через рабов с *окраин*. Много раз. Иногда получалось, если разведчики забирались не слишком далеко. Но были случаи, – Ливию передернуло. Она поёжилась, и это не укрылось от Марка, – когда разведчики погибали за границей обжитой Ойкумены. Их рабы продолжали работать, как ни в чем не бывало. А потом вдруг освобождались. Через год, через два... Хозяин к этому времени был давно мертв. Случалось, раб начинал говорить голосом умершего хозяина. Передавать сообщение, которое хозяин отправил пять, семь, десять лет назад! – за минуту до

гибели. Представляете, Кнут? Это как свет угасшей звезды. Нет, это гораздо хуже, потому что не складывается в систему.

Марк вздрогнул. Ему стало холодно.

– Мы сейчас забрались дальше всех. В такой глуши не бывал никто, кроме сгинувшей «Иглы». Разве что антисы... Но антисы не спешат рассказывать, где они побывали.

В тишине Ливия подвела итог:

– Тут со всеми творится черт знает что. Не только с нами, помпилианцами. Вехдены, брамайны, гематры... Я не знаю подробностей. Это уже не Ойкумена, Кнут. Иной космос, иные правила игры. В противном случае внешняя разведка для уроженцев Великой Помпилии была бы легкой прогулкой. Я не физик, я – солдат. Излагаю, как могу. Вы бы знали то же самое, закончи вы училище. На последнем курсе есть факультатив по отклонениям. Я не училась на Тренге, у меня – спецуха, декурионская двухлетка. Но я знаю...

– Значит, связаться через рабов нельзя? Нельзя определить, что случилось с пропавшими? Хотя бы живы они или нет?

– Нельзя, – глухо отозвалась Ведьма. – Потому нас и послали.

Пискнул уником. На табло таймера горел ровный ряд нулей. Диагностика была закончена.

Марк встал:

– Значит, мы найдем другой способ.

И направился к боту.

– Центральный компьютер в порядке. Полетела часть периферийных модулей, но это не критично. Вскроем кормовой отсек – заменим блоки. Поврежденные коммуникации и интерфейсы большей частью восстановлены «жуками». Обшивку местами помята, но герметичность корпуса не нарушена. Двигун, как ни странно, цел. Маневровые тоже целы, но топлива в них – по нулям.

Змей ухмыльнулся:

– Хорошие новости. А что у нас плохого, командир?

– Все остальное, – проворчал Жгун, кусая губы.

Марк не стал его одергивать.

Косые лучи солнца, встающего над горами, золотыми бритвами рассекли туман. Мириады искорок вспыхнули в каплях росы, усыпавшей глянцевую листву деревьев. Подали голоса дневные птицы, спросонья прочищая горло. Над болотом, то зависнув в воздухе, то совершая резкие броски, кишели крупные, иссиня-фиолетовые стрекозы.

– Система пожаротушения сдохла. Тесты проходят нормально, но система не включается. Вентиляция сдохла за компанию, вместе с рекуператорами воздуха. Тут хотя бы ясно, в чем дело: накрылась электрика. «Жуки» уже чинят, вентиляция у нас будет. Бортовое вооружение в порядке. Защита – глухо. Полетел весь контур, мы его не восстано-

вим. Компенсаторы инерции сломаны. Удастся ли починить, неясно. Пятьдесят на пятьдесят.

– Энергозапас?

– Базовый выработан на 77 %...

– Откуда?! У бота запас – семь циклов «взлет-посадка» на планету в экстрим-режиме!

– У меня нет ответа на ваш вопрос, декурион Жгун.

Голос Марка сделался сух и официален. Слова, казалось, царапали воздух, оставляя на нем следы, как от когтей хищника на коре дерева. Поперхнувшись, Жгун счел за благо промолчать.

– Могу лишь предположить, – продолжил Марк после паузы, – что при входе в атмосферу произошла серьезная утечка энергии. Других объяснений у меня нет. Кстати, я еще не закончил. И вряд ли закончу, если вы будете меня перебивать. Вам ясно?

– Есть не перебивать, – угрюмо буркнул Жгун.

И встал по стойке «смирно», насколько позволяла сломанная рука:

– Виноват! Больше не повторится!

Марк кивнул, принимая извинения.

– В кормовом отсеке есть запас аккумуляторов. Вскроем дверь – выясним, что у нас с энергией.

– Связь?

Змея Марк осаживать не стал: опцион задал вопрос по делу.

– Мелкие поломки. Устранимо.

– Навигация? Системы управления?

– Навигация в порядке. В системах управления – разбалансировка контуров. Нужна отладка. По состоянию бота – всё.

– То есть, взлететь мы сейчас не можем?

– Нет.

– Как будем выбираться, командир?

– Нам нужна связь с зондом на орбите. Параметры орбиты зонда есть в компьютере бота. Поймать зонд направленным лучом не так уж сложно.

– Хотите послать сигнал через гипер?

Ведьма соображала быстро.

– Да. На зонде есть гиперпередатчик.

– Здесь не проходит сигнал. Мы слишком далеко.

– Сигнал проходит, но с искажениями, – уточнил Марк. –

Пакеты бьются, часть информации теряется. Я читал вводную перед вылетом. Нам не нужен полноценный инфо-пакет, мы отправим примитивный «SOS» в открытой кодировке. Поставим на бесконечный повтор, пока у зонда хватит энергии. Сигнал сверхкороткий, затрат – минимум, даже через гипер. Зонда хватит на две-три тысячи импульсов. Даже если шесть из десяти сигналов пропадут... Да хоть девяносто из ста! Это шанс, и шанс неплохой.

Стрекоза в палец длиной села на плечо Ливии. Выпуклые глаза насекомого переливались всеми цветами радуги. Ли-

вия подмигнула большеглазой:

– А что? Хороший план. Наши действия, командир?

Стрекоза в испуге метнулась прочь.

– Чиним систему связи? Поломки устранимые?

– Да. Надо будет командовать «жуками»: без оператора они не справятся. Техники есть?

– Разрешите доложить! – рявкнул Жгун благим матом. – Оператор ремонтных механизмов! Третья специальность.

– С одной рукой справитесь?

– Так точно! Там мультиинтерфейс, с ним и безрукий управится.

– Типун вам на язык! – настроение Марка стремительно улучшалось. – Ваша задача: восстановление систем связи в полном объеме. Наведение, захват цели, автослежение и прием-передача во всех диапазонах. По исполнении доложить. Выполнять!

– Есть!

Жгун сорвался с места и захромал к боту.

– Змей, остаетесь наблюдателем. Ведьма, за мной!

Ливия придержала его за локоть:

– Местные могли засечь, как мы садились.

Я дурак, выругал себя Марк. Чугунный болван на цепях. Я совершенно забыл, что наш остров обитаем. Спутники у них уже есть. Значит, должны быть наземные системы слежения. Вопрос в плотности покрытия и надежности этих систем. С одной стороны – ранняя технологическая стадия. Считай,

варвары. С другой...

– Мы практически падали. Траектория, как у метеорита, – он размышлял вслух. – Могли и не отследить. Мы мало что о них знаем. Они уничтожили «Дикаря»! Как им это удалось?!

Усилием воли он подавил вспышку ярости. Капитан, Кий, Тарара, Крыса – все сгорели заживо в плазменном аду! Туземцы, жалкие дикари с орбитальным корытом...

– Будем исходить из худшего. Допустим, нас засекли. Ставить оптический камуфляж и радиощит? Энергии в обрез, системы маскировки разлажены. Надо связаться с зондом, пока нас не обнаружили. Передать «SOS». Дальше – по ситуации.

Скулы Ведьмы отвердели:

– Хорошо бы посмотреть записи. Записи гибели «Дикаря».

– Записями займемся позже. Сейчас главное – связь. Жгун справится без нас, а мы займемся дверью в кормовой отсек.

VI

Плазменный резак нашелся в боксе с ремонтными инструментами. Марк проверил индикатор заряда: норма. Гарь из бота выветрилась, дым перестал сочиться из-за заклинившей двери. «Когда заработает вентиляция, – отметил он, – переберемся в бот. Всяко лучше, чем ночевать под открытым

небом, каждую минуту ожидая нападения.»

– Если срежем запорный механизм, – предупредила Ливия, – потом замучаемся герметичность отсека восстанавливать.

– Герметичность и так накрылась. Помните, как оттуда дым валил? В крайнем случае, обойдемся без этой двери. То, что за ней – важнее. Прогоните тест еще раз.

Тест не прошел. Запорный механизм игнорировал команды. Марк извлек из бокса два комплекта защитных очков, отрегулировал светопоглощение и включил резак. Даже сквозь очки плазменная струя полыхала миниатюрным протуберанцем. Марк почти ничего не видел.

– Позвольте, командир...

У Ведьмы дело пошло быстрее. Они провозились больше получаса, сменяя друг друга, чтобы восстановить зрение. Наконец внутри запорного механизма – раскалившегося, пышущего адским жаром – что-то треснуло. Дверь едва заметно просела, покосившись.

– Есть!

– Подождем, пока остынет.

Можно ускорить процесс, подумал Марк. Окатить дверь водой из болота? Он представил себе последствия – и счел за благо воздержаться.

В кармане комбинезона запищал уником:

– На связи Жгун. Докладываю: все системы связи полностью восстановлены.

В голосе декуриона звенело могучее самодовольство. Марк готов был расцеловать Жгуна, но опасался, что тот неправильно поймет командира. Ладно, пусть задирает нос сколько угодно.

– Объявляю вам благодарность! – гаркнул Марк в уникон.

– Служу Великой Помпилии! – откликнулся Жгун.

Его было хорошо слышно живьем, из недр бота.

Добравшись до ложементов второго пилота, Марк активировал пульт. Извлек параметры орбиты зонда из оперативной базы компьютера, ввел их в систему обнаружения и запустил поиск. Не прошло и пяти минут, как в сфере возникла зеленая точка. Рядом побежали колонки цифр – уточненные параметры орбиты.

– У нас есть коды доступа, командир?

Жгун и Ведьма нависли сзади, заглядывая в сферу из-за спины Марка. В тусклом освещении кабины унтер-центурион Кнут, если смотреть анфас, напоминал сейчас жуткого трехголового мутанта.

– Есть! – средняя голова чудовища расплылась в улыбке до ушей.

Марк поднял руку в предупреждающем жесте: «Не мешать!». Так, поймать зонд направленным радиолучом. Запустить программу автоматического сопровождения... Одиннадцать томительных секунд, и система сообщила: луч зафиксировал зонд. Сопровождение включено, зонд будет находиться в зоне устойчивого радиоконтакта в течение одно-

го часа сорока девяти минут. Марк глубоко вздохнул, словно перед погружением, и отправил контрольный позывной.

Почти сразу пришел стандарт-отзыв зонда.

– Связь установлена, – Марк не знал, зачем он говорит это вслух. Декурионы и так все прекрасно видели. Нервозность, угнездившись в сердце, властно требовала, чтобы он комментировал свои действия. Угрожала: промолчишь, не сбудется. – Передаю коды доступа к системам управления зонда.

Пакет кодов улетел на орбиту.

Молчание давалось такой кровью, что Марк закусил губу. Ему чудилось, что наверху, в космической пустоте, сидит чиновник, тупой бюрократ. Вот чиновник берет в руки письмо – древнее, бумажное, в конверте с марками; вскрывает конверт, поплевав на пальцы, разворачивает лист бумаги, шевелит отвислыми губами...

Вспыхнула багровая надпись: «Неверный код. В доступе отказано.»

– Т-твою когорту! – взорвался Жгун.

Чудом сохраняя спокойствие, Марк перепроверил всю последовательность действий. Заново скопировал коды в буфер системы связи, удостоверился, что связь по лучу идет устойчивая, без сбоев, и вновь отправил кодовый пакет.

«Неверный код, – ответил сволочной бюрократ. – В доступе отказано.»

– Какие-то сбои, – у Марка горели уши. Замечательный

план с треском проваливался, хоронил под обломками возомнившего о себе щенка. – Попробую увеличить мощность луча и точнее отъюстировать наведение.

Третья попытка. Пятая.

Юстировка. Мощность луча на пределе.

...семнадцатая... двадцать девятая...

«Неверный код. В доступе отказано.»

– Зонд вышел из зоны устойчивого радиоконтакта. Следующий сеанс связи будет возможен через девять часов восемнадцать минут.

КОНТРАПУНКТ

ГАЙ ОКТАВИАН ТУМИДУС, ИЗМЕННИК РОДИНЫ

(на днях)

Мне говорили, что внука я буду любить больше, чем сыновей. Знающие люди, они подмигивали мне, намекая на нечто, чего я не знаю сейчас, что придет со временем. Они ошиблись. К любви они относились так же, как регистратор багажа в космопорте – к баулам и чемоданам. Больше-меньше, длиннее-короче, легче-тяжелее. За лишний вес надо доплатить.

Длинномерную кладь оформляем по специальному тарифу.

Вот и вся любовь.

*Мальчик, кого ты больше любишь: папу или маму?
Старичок, кого ты больше любишь: сына или внука?
Ни один клоун не позволит себе такого вопроса. Вы
спросите: потому что это глупо?*

Нет, отвечу я.

Потому что это даже не смешно.

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

Белая тросточка ударила по плечу:

– Эй! Что ты делаешь у дома моей дочери?

Полковник обернулся. Перед ним приплясывал карлик в круглых, совиных очках. Тросточка слепца мелькала в опасной близости от лица Тумидуса. Складывалось впечатление, что карлик хочет ощупать лицо полковника – так знакомятся слепые – но прикасаться руками брезгует.

– Здравствуй, Папа, – сказал Тумидус.

– Не увиливай! – трость хлестнула по второму плечу: сильнее, резче. – Что ты здесь забыл?!

Полковник лихорадочно соображал, что ответить карлику. Он проклинал тот миг, когда ноги принесли его к дому Н'доли Шанвури. Недопустимая оплошность! Словно убийца, которого тянет на место преступления... Прав Лентулл: десантура, тупая десантура.

– Гуляю, Папа. Дышу воздухом.

– Врешь!

– Воздух, Папа. В моем возрасте врачи рекомендуют пешие прогулки. Профессор Мваунгве так и сказал: гуляйте, полковник. Ты не веришь профессору?

– Врешь! Влюбился, да?

– Папа, ты сошел с ума.

– Влюбился! – Папа Лусэро подпрыгнул на высоту собственного роста. Очки опасно съехали ему на кончик носа, открыв глаза, похожие на сваренные вкрутую яйца. – Наконец-то! Н’доли – отличная девчонка, вся в меня. Да и ты парень хоть куда. Сильный, глупый...

Трость уколола в подреберье:

– Ты меня устраиваешь, как зять. Идем, я вас поженю!

Пропал, отчетливо понял Тумидус. Пропал с концами. Цепкая лапка ухватила полковника за запястье, поволокла в счастливое будущее. Муха, подумал Тумидус. Я – муха во власти паука. Ему и в голову не пришло вырваться. Он помнил, как выглядит Папа Лусэро в большом теле. Не сгусток волн и лучей, пронизывающий космос, будто игла – ткань, но гигант-паук, способный разнести в щепки боевую галеру. Когда, став коллантарием, полковник впервые увидел китянского антиса особым образом, *из-под шелухи* – он узнал, что такое арахнофобия, помноженная на детский ужас.

– Ты выбьешь из нее дурь! – вопил Папа пронзительным дискантом, ускоряя шаг. – Как пыль из ковра! Наука? Прогресс? Ха! Раздвигать ноги – вот женская наука!

Шарахались в стороны случайные прохожие.

– Рожать – вот бабий прогресс! Н’доли родит тебе уйму детей! Девочек, одних девочек! Все будут похожи на дедушку! Красавицы...

Где-то сработала сигнализация.

– Ты научишься пить, как мужчина! Жди меня в гости по вечерам. Мы будем пить и драться, драться и пить! В тюрьме у меня отдельная камера, с баром и холодильником. Там хватит места двоим...

У Тумидуса заболела голова. Висок словно шилом проткнули. Который день полковник жил на нервах: страдал бессонницей, мучился дурными предчувствиями. Вестей от брюнета с блондином не было. Родина не спешила откликнуться на призыв изгнанников. Юлия, Лентулл, Антоний – все ждали с равнодушием мраморных статуй, соревнуясь друг с другом в бесчувственности. Говорили: куда спешить? Улыбались: всему свое время. Тумидус усмехался в ответ, выдавливая улыбку, как зубную пасту из тюбика. Он совершенно не умел ждать.

Фитиль, подумал полковник. Фитиль, вставленный в мою задницу, сгорает быстрее быстрого. Нет, не фитиль – запальный шнур бомбы. Взрыв, и осколки секут все вокруг. Или, сумею я сдержаться, превращают мою печень в паштет.

– Куда ты меня ведешь, Папа?

– Жениться!

– Папа, оставь свои глупости. Мы давно прошли мимо дома твоей дочери. Ты хочешь выпить? Хочешь, чтобы я со-

ставил тебе компанию? Я же вижу, что ты трезв...

Карлик остановился. Над головой антиса с веток дерева, неизвестного Тумидусу, свисали гроздьи цветов, похожих на мелкие тигровые лилии. Шесть лепестков темно-кирпичного цвета, испещренных черными крапинками. Упругий глянец тычинок. От волн аромата головная боль усилилась, стала невыносимой – и вдруг исчезла. Папа Лусэро взмахнул тростью, желая сшибить ближайшую гроздь, и промахнулся. Еще один взмах; еще один промах.

– Коснись цветка! – властно потребовал слепец.

Тумидус протянул руку. На ощупь цветы были неприятны – влажные, скользкие. Он едва успел отдернуть пальцы: третий удар тросточки, и благоухающая гроздь упала под ноги полковнику. Тумидус не удивился. Он привык к странностям Папы Лусэро.

– Ты идешь в гости, – сказал Папа.

– К тебе?

– Ко мне. Ты еще не забыл, где я живу?

Полковник вздохнул: из огня да в полымя.

– Я сделаю тебе татуировку, – предложил Папа. – Красивую.

– Нет!

– Почему?

– Я не люблю татуировки.

– Ну и дурак. У тебя столько пустого места, – карлик хлопнул себя по макушке, намекая то ли на голову Тумидуса, бри-

тую наголо, то ли на беспросветную тупость полковника. – Идем, чего встал!

* * *

- Бвана! Белый бвана!
- Он даст нам денег!
- Кучу денег!
- Он откроет нам счет в банке!
- Нет, он принес наличные!
- Наличные!
- Давай, бвана! Скорее давай!

У Папы Лусэро было много жен. У жен были луженые глотки. У Папы Лусэро было много детей. Дети визжали, как недорезанные поросята. Этот хор слышали на небесах.

- Деньги!
- Бвана принес их нам!

К Тумидусу тянулись руки: в браслетах, в цыпках. Младшие жены целовали пыль у ног полковника. Старшие без церемоний лезли в карманы. Дети копировали поведение матерей.

– Цыц! – скомандовал Папа Лусэро. – Назад, дерьма кусок!

- Бвана даст нам денег!
- Ты не даешь, а бвана добрый!

Карлик хмыкнул:

- Бвана не даст вам ни гроша. Слышали, толстозадые?
- Почему?!
- Бвана жадный.
- Добрый!
- Жадный, говорю. Хуже меня.
- Не бывает!
- Бвана за грош удавится. Кыш с дороги...

Щедро одаряя семью зуботычинами и оплеухами, Папа Лусэро зашагал к дому. Тумидус шел следом. Он уже имел честь видеть это представление. В прошлый раз женщины предлагали ему секс: с молодками, старухами, с детьми, с дойной козой. В позапрошлый раз его умоляли сводить Папиных жен на танцы – вернее, раздобыть дюжину приглашенных билетов на выпускной бал Имперской военно-космической школы, размещенной на Китте. Однажды Тумиду-са встретил град проклятий – его сочли дурным вестником. Полковник не знал, почему, и знать не хотел.

- Бвана жадный, – с уважением шептались за спиной.
- Бвана очень жадный!
- Жаднее Папы...
- О, великий белый бвана...

В доме царил прохлада. Полковник ощутил, как липнет к телу мокрая рубашка. Он разулся, не дожидаясь, пока карлик сбросит сандалии, и все равно не успел – босой, Папа Лусэро обогнал его и зашлепал по лестнице вверх. Если по улице слепец шел с уверенностью зрячего, скорее поигрывая

тостью, нежели проверяя её дорогу, то в доме Папа утратил легкость походки. Карлик двигался медленно, с осторожностью путника в ночи. Трость стучала по резным балясинам, по ступенькам впереди; свободной рукой Папа держался за перила.

– Иди за мной, – велел он.

Тумидус кивнул. «А что? – внезапно подумал он с бесшабашностью, изумившей самого полковника. – Возьму и напьюсь. До чертиков, в хлам. Хоть выплусь по-человечески...» Цена попойки – необходимость терпеть странные игры Папы Лусэро – показалась Тумидусу сносной.

Он поднялся на второй этаж, зашел в просторную комнату, которую Папа звал своим похмельным кабинетом, и понял, что сегодня напиться не удастся.

В кабинете ждали трое. Смуглый, атлетически сложенный блондин чистил ногти кривым ножичком. В отличие от памятного Тумидусу блондина-*контра*, едва не задушенного Антонием Гракхом, волосы атлета были не льняные, а скорее цвета слоновой кости. Рядом с ним, барабанив пальцами по столу, сидела женщина – очень полная, с обвисшей грудью. Ритм, который выбивала толстуха, не имел ничего общего с нервозностью или раздражением. Так постукивают шестеренки отлаженного механизма, свидетельствуя: все в норме, работа движется. За женщиной, прямо на полу, разлегся тощий, как узник лагеря смерти, великан. Голый, в одной набедренной повязке, он время от времени приподнимался и

мотал головой, словно что-то отрицая.

– Мы рады вас видеть, легат, – приятным баритоном сказал великан.

– Я не легат, – возразил Тумидус.

Он сделал шаг вперед:

– Если хотите, зовите меня полковником. Я привык.

Великан сел, улыбаясь:

– Мы рады вас видеть, полковник.

– Я пропустил сегодняшний выпуск новостей? – спросил Тумидус. – Правительственное сообщение? Почему у дома не крутится орда репортеров?!

– Репортеры? – атлет пожал плечами. – Ненавижу репортеров.

– Мы частным порядком, – разъяснила женщина. Голос ее был скучным и блеклым, словно небо поздней осенью. – Без лишней шумихи. Вас это огорчает, полковник? Садитесь, вот стул.

Тумидус остался на месте. Он знал, кто собрался в доме Папы Лусэро. Смуглый блондин – Нейрам Саманган, лидер-антис расы Вехден. Толстуха – Рахиль Коэн, лидер-антис расы Гематр, сестра-близнец антиса Самсона Коэна. Великан в набедренной повязке – Кешаб Чайтанья, лидер-антис расы Брамайн, известный как Злюка Кешаб. И хозяин дома, слепой карлик – Лусэро Шанвури, с весны прошлого года лидер-антис расы Вудун. Каждый из четверки мог «горячим стартом» сжечь город и в одиночку выйти на военный

флот.

Сокол, ангел, восьмирукий танцор, паук.

Полковник не знал главного: зачем здесь он, Гай Октавиан Тумидус?

– Вам неловко? – с сочувствием поинтересовался великан. – Вы смущены? Что бы вы хотели выяснить? Спрашивайте, мы ответим.

– Вы чего-то хотите от меня, – Тумидус нахмурился. – Чего?

Улыбка великана стала шире:

– Это слишком очевидный вопрос, полковник. И ответ на него будет самый простой.

– Нам нужен командир, – сказала гематрийка. – Вы подходите.

Атлет кивнул.

– Садитесь, – напомнил великан, широким жестом подкрепляя свои слова. – Боюсь, полковник, вы нетвердо держитесь на ногах. Хотите чаю?

* * *

Принесли чай.

На этот раз Папины жены вели себя тише мыши. Словно по волшебству, на столе возник чайник в виде горы со снежной вершиной, пять вместительных чашек, сахарница с тростниковым, светло-коричневым сахаром, стайка розеток

с вареньем из айвы, блюдец с тонко порезанным лимоном...

— Командир? — Тумидус дождался, когда жены сгинут, и взял лимон. Кинул блестящий ломтик в рот, прожевал, не морщась. — Это шутка? К сожалению, у меня плохо с чувством юмора.

— У меня тоже, — согласилась Рахиль. — Как у всех гематров.

— Вы собираетесь воевать? Единым отрядом?

— В определенной степени, — согласился великан.

— С кем?

«С Помпилией, — подсказал Тумидусу внутренний голос. — С кем еще? С единственной расой, у которой нет своих антисов. Сначала киттяне ищут способ заменить помпилианца в составе колланта. Неудача — естественный этап экспериментов. За ней последуют удачи, и наконец — решение проблемы. Параллельно готовится война на уничтожение. С привлечением антисов, вернее, лидер-антисов. Иначе война затянется... Радуйся, изгнанник! Если все это не глупый розыгрыш, у тебя появится шанс отомстить неблагодарному отечеству. Лишенный расового статуса лишает всю расу права на существование. За такую месть кое-кто отдал бы правую руку...»

— Вы их не знаете, — вздохнул Кешаб. — Скажу прямо, мы их тоже не знаем. Мы только предполагаем, что война неизбежна.

Врет, уверился Тумидус. Я не знаю собственных соотече-

ственников? Он врет, хочет поглубже втянуть меня в их замысел – так, чтобы не выбраться. Гард-легат десанта, штурмовик, малый триумфатор – да я для них просто кладезь знаний о помпилианской армии и флоте...

Полковник сделал глоток чаю. Слишком крепкий, слишком горький. У чая был вкус измены. Тумидус поднял голову и встретился взглядом с гематрийкой. Рахиль смотрела на него с равнодушием, которое у гематров можно было бы назвать сочувствием.

– Он не верит, – сказала Рахиль антисам. – Он полагает, что мы вербуем его для войны с Помпилией. С такими, как он, нельзя начинать разговор с конца. Даже с середины нельзя. Если мы хотим, чтобы он понял, надо начинать с начала. Или еще раньше.

– Что может быть раньше начала? – спросил Тумидус.

Великан наклонился вперед:

– Антисы не участвуют в *ваших* войнах, полковник. Верите?

Полковник рассмеялся. Он хохотал так, что в горле забегали щекотные мурашки, а из глаз потекли слезы. Все молча ждали, пока он закончит смеяться.

– Верите? – повторил Кешаб.

– Не участвуют? – прохрипел Тумидус. – Господин Саманган, напомните мне: не вы ли жгли наши эскадры у Хордада? Шестой Квинтилианский галерный флот под командованием военного трибуна Марцелла!

Нейрам Саманган вертел ножичек в пальцах. Судя по лицу атлета, напоминание о Хордадской баталии было ему неприятно.

– Ну конечно же, я верю! – Тумидус чувствовал, что близок к истерике. – Верю! Хордада не было! Шестой флот – выдумка! Мираж, сплетня...

Нейрам взмахнул рукой. Пролетев над столом, нож вонзился в стену.

– Я жег ваши корабли у Хордада, – сказал антис вехден. – Кешаб сказал правду: мы не участвуем в ваших войнах. Вы видите в этом противоречие? Парадокс? Хорошо, сформулирую иначе. Мы не участвуем в ваших войнах, за одним-единственным исключением: если война влечет за собой геноцид или грозит целостности государства. Тогда наше участие – не война, а сохранение равновесия Ойкумены. Если вы – коллантарий, полковник, вы поймете.

Это шизофрения, подумал Тумидус. Двое сцепились в его сознании не на жизнь, а на смерть. «Нейрам Саманган уничтожал наши эскадры, – надрываясь, кричал гард-легат Тумидус, кавалер ордена Цепи. – Живая звезда, он бесновался в строю галер, а за его спиной в боевой готовности ждал 2-й Гвардейский флот Хозяев Огня! Вехдены готовились добивать раненых...» «Это правда, – хладнокровно отвечал коллантарий Тумидус, с недавних пор – изменник родины. – Оккупировав Хордад, мы бы превратили планету в большую грядку ботвы. Богатства Хордада? Территория? Нет, мы шли

за рабами. За миллиардами рабов, способных обеспечить экономический прорыв Империи...»

Заткнитесь, велел полковник обоим крикунам. Разговорчики в строю!

– Вы способны контролировать антисов? – спросил он. – Всех антисов? Вы, четверо – имеете ли вы такую власть?! Допустим, кому-то из ваших...

– Из наших, – поправил Папа Лусэро.

Тумидус ударил кулаком по столу. Задребезжала посуда, подпрыгнули чашки. Из сахарницы вывалился бурый кубик. Тумидус ударил еще раз, сильнее:

– Допустим, кому-то из *наших* захотелось развлечься. Отомстить, поддержать соплеменников в трудную минуту... Великий Космос! Да просто испытать себя! Вы сможете удержать его, не позволить вступить в бой?

– Сможем, – кивнул Нейрам. Светлые волосы упали вехдену на лицо, смягчив пронзительный блеск глаз. – В противном случае мы уничтожим его после первого же инцидента. А если удастся – до инцидента. Без суда и следствия, полковник. Решением Совета антисов.

– Совета? Еще есть и Совет?

– Он здесь, – Злюка Кешаб развел длинными руками, словно желая обнять комнату. – Да, не весь, но у нас есть право говорить от имени всех. Добро пожаловать в славную компанию! Мы предлагаем вам стать одним из нас, членом Совета. Если вы согласитесь, дополнительного голосования

не понадобится. Вопрос обсужден, решение принято.

– Вам не хватает председателя? Если не ошибаюсь, вы нуждались в командире.

Рахиль взяла ложечку варенья:

– В Совете вы будете одним из девяти. Равным среди равных, лидером коллантов. Что же до командира, то в нем мы нуждаемся лично, как одиночки. Антисы – всегда одиночки, полковник. Такова наша природа. Не знали?

– Я коллантарий, – хрипло ответил Тумидус. – Природа коллантов – сотрудничество. Не знали, госпожа Коэн?

Рахиль пожала плечами:

– Знала. Конечно же, знала. Просто не учла.

В устах гематрийки это звучало потрясением основ.

* * *

Рахиль нашла Кровь первой.

В эти дни у нее – разумеется, в малом теле – были месячные. Критический период проходил болезненно для Рахиль Коэн, болезненно и муторно, еще с самого первого раза, когда девочка превратилась в девушку. Чужая приближение крови, она старалась уйти в волну, избавив себя от проблем уязвимой плоти. Впрочем, преимущества климакса не манили Рахиль. Она родила мужу шестерых детей, все – мальчики, и задумывалась над тем, что седьмой будет кстати. Седьмая – Рахиль хотела девочку. Кровь женщины, Кровь космоса: это

было бы смешно, обладай гематры чувством юмора.

Рахиль еще не знала, что это не смешно для кого угодно.

Здесьний край Ойкумены *из-под шелухи* виделся ей пустыней. Барханы песка, колючие шары перекасти-поля, редкая зелень оазисов. Ангел, сотканный из чисел, которые свет, Рахиль шла дальше и дальше – слушая разговоры песчинок, минуя редкие ручьи, колонны пальм, вставшие на берегах рукотворных озер. Овечьи стада блеяли вслед удивительной гостье. Пастухи падали ниц при виде Рахили, а она шла, держа ветер на ладони. Вскоре ручьи остались за спиной, и стада, и люди. Только ветер да песок, песок да ветер.

И время: вечность, нарезанная ломтями.

Она уже собиралась возвращаться, когда вступила в Кровь. Взгляд Рахили был прикован к пылающему горизонту, под ноги она не смотрела. Там, за небокраем, рождая смутную тревогу, вставало зарево: пурпур с золотом. Антисы время от времени – чаще, чем подсказывал здравый смысл – забирались за границы Ойкумены, приглядываясь к необжитому, полному грозных знамений пространству. Даже им, исполинам из лучей и волн, здесь могла грозить опасность – хотя бы потому, что местные опасности еще никто не успел назвать по имени.

Зачем антисы это делали? Расширяли фронтир своих рас? Служили разведчиками? Защитниками рубежей? Искали силу, к которой сумели бы приложить свою?!

Пожалуй, все сразу.

В песке – Рахиль увидела это так ясно, что удивилась, почему не заметила ничего раньше – сквозили темно-красные струйки. Редкие, тонкие, они разрастались гуще и обильнее за десять шагов от женщины-антиса. За сто шагов пустыня превращалась в кровавую кашу, за тысячу песок был пропитан кровью настолько, что напоминал рдеющие угли. Казалось, отсюда к горизонту текут мириады багряных ручейков, чтобы слиться в море. Рахиль видела его: золотое море, пурпурное море – драгоценный металл, сок вишни, взметнувшийся огромной волной.

Ангел, сотканный из формул, которые истина, присел на корточки. Ладонь стряхнула ветер, и тот в испуге убрался назад, в знакомые пределы. Длинные, мерцающие голубым пальцы коснулись песка. Красная струйка потекла к Рахили: робко, смелее, неудержимо. Молчаливый ангел смотрел, как кровь впитывается – всасывается – в поры света, служившего телом Рахили Коэн. Свет дрогнул, изменил оттенок. От кончика ногтя до первой фаланги указательного пальца в голубизне мелькнули нотки пурпура.

Рахиль сосредоточилась, и пурпур исчез.

Десять шагов дались ей легко. На одиннадцатом Рахиль споткнулась. Ангел опустил взгляд и увидел, что ноги до колен испещрены пятнами: золото и пурпур. Мелкие, чуть набухшие пятнышки напоминали ягоды – или «берлогу» клеща, когда он, упав с древесного листа, вгрызается в человека. Вне *шелухи* – в реальности Ойкумены, в темных во-

дах космоса — лучи и волны, составлявшие женщину-антиса, также претерпевали странные изменения. Рахиль чувствовала, что ускоряет движение против своей воли. Кванты, фотоны, кварки — слова, костыли, придуманные физиками, чтобы оправдать свое бессилие перед равнодушным колоссом мироздания. Они не могли объяснить происходящее с Рахилью.

Проанализировав ощущения, Рахиль пришла к выводу, что ей хочется двигаться дальше. Очень хочется, на грани страсти, не свойственной природе гематрийки. Чувство было приятным — в первую очередь, из-за новизны. Детализировав анализ, Рахиль выяснила, что ей не просто хочется продолжить путь.

Ей хотелось встать на четвереньки.

Борясь с желанием, привнесенным Кровью, Рахиль отступила. С каждой пядью, какую она выигрывала при отступлении, пурпурные грозди на теле блекли, растворялись в голубом свете, который числа, формулы, истина. Гасла необъяснимая тяга идти к зареву, окунуться в него. Гасли эмоции, отравившие ледяной разум дочери расы гематров. Встать на четвереньки? О, сейчас Рахиль понимала, что дело не в желании уподобиться зверю или рабу, ползущему к господину. Дело в стремлении погрузить в кровавый песок не только ноги, но и руки.

За горизонтом пылал вызов. Манил, насмехался. В силе антисов, будь они гематрами или, скажем, брамайнами, кроется предательская слабость — сила не терпит вызовов. Пер-

чатка хлещет по щеке, и вот – глаза застилает пелена, красная, словно песок на подходах к чужому золоту и пурпуру.

– Я вернусь, – пообещала Рахиль.

Хорошо, согласилась Кровь. Я буду ждать.

– Я вернусь, – повторила Рахиль. – Возможно, не одна.

Последние слова дались ей с трудом. Антисы – одиночки, такова их природа. Идти против самого себя – трудно, если не безнадежно. Кроме того, в обещании вернуться Рахиль Коэн услышала отзвук страсти, толкавшей ее вперед, страсти чуждой и желанной для гематрийского племени.

Размышляя над случившимся, ангел повернулся к зареву спиной. Свет, оформленный в человеческую фигуру, хлынул прочь: домой, в обратную дорогу. Ветер да песок, песок да ветер. Время: черствый хлеб вечности, рассыпанный крошками. Позже – барханы, оазисы. Пальмы, овцы, пастухи. Ойкумена, какой она виделась Рахили *из-под шелухи*.

Когда ангел вернулся в малое тело, Рахиль все еще размышляла. Ей казалось, она до сих пор что-то чувствует.

Глава вторая

Обратная сторона клейма

I

– Итак, плохая новость: зонд не принимает коды доступа. Сигнал искажается при прохождении через ионосферу. Природа искажений неясна, но главное: мы не можем отправить «SOS». Конечно, мы продолжим попытки. Я запрограммировал бортовой компьютер: как только зонд снова окажется в зоне радиоконтакта, система автоматически установит связь и будет слать кодовые пакеты, пока зонд не выйдет из зоны. Предупреждаю заранее: шансов на успех мало.

Марк оглядел хмурых либурнариев. Ведьма и Жгун были в курсе, а Змей воспринял известие стоически. Маленький отряд был готов к дурному повороту событий. Все с самого начала пошло наперекосяк. С чего бы местной фортуны переменить свое отношение к пришельцам?

– Хорошая новость: нам удалось вскрыть дверь в кормовой отсек. Плохая новость: регенератор накрылся с концами. Начинка сгорела полностью. Это он чадил из-за двери, когда мы чуть не угорели. Новость удовлетворительная: оба «Тайфуна» целы. Боекомплекты – тоже; а вот с аккумуляторами

проблема. Четыре уцелели, остальные разрядились по неизвестной мне причине. У нас есть НЗ – две малые гематрицы. Этого хватит для выхода на орбиту, маневрирования и возвращения на планету.

– Новый план, командир?

– Целых два.

Солнце било прямо в глаза. Надо какой-нибудь тент соорудить, запоздало подумал Марк. Он вытер со лба испарины. Проморгался, сморщил нос: к болотным миазмам он притерпелся, но вдруг потянуло особым зловонием, как из нужника.

Отряд ждал.

– План номер раз. Чиним системы управления бота, поднимаемся на орбиту и передаем пакет оттуда, где ионосфера не будет искажать сигнал. Если это не сработает, стыкуемся с зондом и вводим коды через контактный интерфейс. Отправляем «SOS» на базу, после чего спускаемся обратно на планету. На орбите нам жизнеобеспечения надолго не хватит. Кто его знает, сколько придется здесь куковать...

На лицах либурнариев читалось молчаливое одобрение. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы додуматься до такого решения. Наверняка оно пришло в голову не только Марку. Но командир озвучил его первым и четко сформулировал.

Ведьма сделала шаг вперед:

– Разрешите обратиться?

– Обращайтесь.

– Как насчет второго плана? Я так понимаю, он на тот случай, если мы не сумеем поднять бот на орбиту?

– Верно понимаете. Если мы не поднимем бот, мы воспользуемся местным корытом.

– Угоним? – обрадовался Жгун.

«Командир, вы псих, – сверкнуло во взгляде декуриона. – Я вас уважаю!»

– Если не удастся договориться по-хорошему.

– С варварами? По-хорошему?! Они уничтожили «Дикаря»! Я скорее пойду договариваться с бешеной собакой...

– Разговорчики! – осадил Марк кипящего от возмущения Жгуна.

Он хорошо понимал чувства декуриона. После гибели «Дикаря» у него самого чесались руки пристрелить десяток-другой местных красавцев. Попадись туземцы на глаза Марку сразу после аварийной посадки, он так бы и сделал. Но бешеный норв Жгуна нуждался в узде и кнуте. Иначе рванет, понесет по ухабам – всем головы расшибет.

«Alles!» – щелкнул далекий шамберьер.

– Если понадобится, будем искать общий язык с собакой. С флуктуацией! А пока приступаем к срочному ремонту бота!

Ливия осталась караулить: среди специальностей Ведьмы не нашлось тех, что могли бы пригодиться. Жгун погрузился в пучины управления ремонтными механизмами, терроризируя «жуков» новыми заданиями. Оправдывая прозвище,

Змей уполз в технический тоннель – вручную перекоммутировать силовую периферию. Топливо в маневровых движках иссякло, резерва химического горючего на боте не было. В задачу Змея входило подать на маневровые часть мощности основного двигателя. Марк же взял на себя главную головную боль: отладку разбалансированных контуров управления.

Теоретически он знал, как это делается. Увы, на практике...

Полчаса, и Марк уверился: работая через удаленный интерфейс, он провозится неделю. Пришлось лезть в систему напрямую. Шлем вирт-погружения Марк ненавидел, но выбора не было. Ливия права: бот могли засечь. В любой момент к болоту нагрянет поисковая команда, а с ней и группа захвата.

«Сюда бы Пробуса! – с тоской думал Марк, вспоминая болтуна-попутчика с «Протея». – Он, небось, в этих контурах, как рыба в воде. За час бы наладил...» Себя Марк ощущал настройщиком-неумехой, тугоухим и косоруким, который завяз в недрах гигантского органа. Голова гудела от какофонии отладочных сигналов. Вокруг, рождая большие и малые диссонансы, вибрировали десятки цепей. Марк содрогался от мучительных аккордов, обжигался о «горячие линии» волноводов, сквозь зубы шипел от боли – и подтягивал, гасил паразитные обратные связи, заставлял сигналы звучать в унисон...

Хорошо, что он догадался выставить таймер. Уловив зум-

мер всем виртуальным телом, Марк поначалу не сообразил, что это. Новый сбой?! Пара секунд, и до него дошло. Неужели минуло целых четыре часа? Время в вирте текло иначе. Марк был уверен, что провозился минут сорок, не больше.

Вынырнув наружу, он сохранил промежуточные настройки и отключил шлем. Неплохо! Четверть контуров, ранее горевших красным, сменила цвет на зеленый или желтый. Такими темпами управимся за пару дней.

Есть ли у них эти два дня?

«Война войной, а обед по расписанию!» – говаривал обердекурион Гораций. После виртуальной работы Марка терзал вполне реальный голод. Он выбрался из бота последним. Остальные уже рассаживались под самодельным тентом. Импровизированный стол из пустых контейнеров, вместо табуретов – ящики с припасами. На «столе» – консервы-самогрейки, канистра с водой, кружки. Рядом – контрольный терминал. Обед, не обед – наблюдения за периметром никто не отменял.

Здесь же, в тени, лежал облепленный датчиками центурион Скок.

– Без изменений, – хмуро доложила Ливия.

И уведомила:

– Питательного раствора осталось на трое суток.

Вкуснящая свиная тушёнка из спецпайка либурнариев – жирная, горячая, с лавровым листом и черным перцем – встала Марку поперек горла. Он судорожно проглотил во-

локнистый кусок мяса и дальше ел по инерции, не чувствуя вкуса.

– На сколько дней у нас продуктов?

– При питании по норме – на одиннадцать суток. При усеченной норме – на шестнадцать.

– Что с силовыми контурами?

– Трое суток работы, – доложил Змей.

– Вентиляция? Рекуператоры?

Жгун растянул в ухмылке лоснящиеся губы:

– К вечеру закончу.

– Змей, «жуки» ускорят вашу работу?

Опцион задумался, выскребая из банки остатки тушёнки.

– Пожалуй...

– Жгун, как закончите, поступаете в распоряжение Змея.

– Есть поступить в распоряжение!

– Если Скок за три дня не придет в себя... Ведьма, как вы собираетесь поддерживать его жизнь?

– Принудительное кормление через зонд. Мясной бульон, фруктовые соки, молочные смеси...

– Пищевые анализаторы у нас есть?

– Так точно.

– Значит, отраву от съедобного отличим. С завтрашнего дня начинаем охотиться. Заодно поищем какие-нибудь местные фрукты. Нам еда тоже будет кстати. Пока отправим «SOS», пока прибудет спасатели...

Тревожно вспыхнула сфера контрольного терминала.

Стаей комарья зазвенел оживший зуммер. Мерзкий звук ударил по нервам. Секунда, и все были на ногах. «Универсалы» – наизготовку. Бросив короткий взгляд на сферу, Ведьма рукой указала направление. Марк припал на одно колено, повел стволом, выискивая цель. Глянцевые листья кустарника на границе болота и джунглей едва заметно шевельнулись. Прикипев к прицелу, Марк предупредил:

– Без команды не стрелять!

– Есть без команды не стрелять, – шепотом ответил Жгун.

Кусты вновь шевельнулись, уже явственно. Меж листьев мелькнула бронзовая маска. Нет, не маска – смуглое лицо, покрытое вязью цветных узоров. Из джунглей выходили люди: жилистые, темнокожие. Всей одежды – набедренные повязки из птичьих перьев. В руках туземцы держали луки, духовые трубки и короткие копья.

II

– Анех! – сказал предводитель.

Улыбнувшись, он воздел левую руку ладонью к небу. В первый миг Марку почудилось: у туземца нет зубов. Но дикарь продолжал улыбаться, и Марк разглядел: зубы у предводителя имеются. Глянцево-черные, словно покрытые смолой, и острые, как у хищного зверя.

Спохватившись, Марк выступил вперед. Приложил ладонь к груди:

– Аве!

Острозубый удивился. Он ждал другого ответа. Разумеется, Марк легко бы повторил приветствие туземца, но «Уложением по контактам с первобытными племенами» это категорически не рекомендовалось. Повтор туземного обращения мог быть воспринят как заискивание, что сразу ставило пришельцев в подчиненное положение.

Почесав в затылке, острозубый разразился длинным щелкающим монологом. Включив коммуникатор на запись, Марк развел руками, переходя с помпилианского на унглингву:

– Извини, вождь. Не понимаю.

Дикарь по-птичьи склонил голову к плечу. Вслушиваясь в звуки чужой речи, он наморщил лоб, отчего белые полосы на лбу сложились в оскаленную пасть. И вдруг просиял, да так, что даже «пасть» расцвела стилизованной улыбкой. Указав на бот, увязший в болоте, затем на небо, острозубый начертил в воздухе плавную дугу, связывая небеса с землей.

– Патлана акалли – буммтчль?

– Буммтчль, – тяжело вздохнул Марк. – Еще как буммтчль. Прямоком в болото. Встречайте гостей, парни. Мы пришли к вам с миром.

Если не с миром, подумал он, так уж точно с интересом. Есть у нас такой интерес: выяснить, как создатели космических кораблей и дикари с копьями уживаются бок о бок. Ведь не вы же, ребята, угробили «Дикаря» из духовой трубки?

– Патлана акалли! – приплясывая, возопили охотники.

И принялись выкладывать перед опешившими пришельцами добычу: трех клювастых птиц с радужным оперением, тощую черно-рыжую свинью, пару зверьков с непропорционально длинными задними лапами...

– Это все нам?

«Вам, гости дорогие!» – не замедлили подтвердить туземцы добродушными ухмылками. Марк отметил, что у всех, кроме предводителя, зубы нормальные: белые и вполне человеческие. Похоже, чернение и «заточка» зубов были отличительными знаками вождя.

– Надо чем-то отдариться, – шепнула Ливия.

В беседу с туземцами Ведьма не вмешивалась, боясь подорвать авторитет командира в глазах дикарей.

Марк кивнул. Бусы, зеркала и прочая меновая дребедень в комплектации абордажного бота отсутствовали. Зато унтер-центурион Кнут имел под рукой гораздо лучший подарок для вождя. Марк снял с пояса ножны. Жаль, конечно, но расположение туземцев сейчас жизненно необходимо. С легким поклоном он протянул подарок острозубому. Тот сперва не поверил своему счастью, но под завистливыми взглядами соплеменников быстро опомнился и, поклонившись вдвое ниже Марка, принял дар. С застежкой-фиксатором дикарь справился на удивление быстро. Тридцатисантиметровый клинок из легированной керамостали сверкнул в лучах солнца бледным золотом, чем привел вождя в неопи-

суемый восторг. Острозубый опробовал лезвие на собственном ногте – и едва не отрезал себе палец. Без малейшего усилия искромсав в щепу пару веток, на которых охотники принесли добычу, вождь проникся к подарку мистическим благоговением. Когда острозубый успокоился. Марк помог ему приладить ножны к веревке и повесить на шею, после чего сделал приглашающий жест:

«Располагайтесь, почувствуйте себя как дома!»

Ведьма тем временем успела потыкать щупом анализатора в тушки, разложенные на земле. Она молча показала Марку большой палец: все в порядке. Охотники уже спешили развести костер: им не терпелось угостить пришельцев. Марк подумал, что дым от костра может демаскировать лагерь, и мысленно махнул рукой. Препятствовать дружбе народов – себе дороже. Как пить дать, неправильно поймут, и тогда проблем не оберешься.

Авось, пронесет.

Туземцы всюду совали свой нос. Им были интересны ящики, контейнеры, контрольный терминал, самодельный тент, пластиковые канистры с водой... Марк отметил, что за дикарями нужен глаз да глаз – как бы не сперли чего! И с удовлетворением обнаружил, что с глазами полный порядок: Змей и Жгун ни на миг не выпускали гостей из поля зрения. Опасения оказались напрасны: любопытные туземцы ничего не трогали руками и не пытались стащить. Проходя мимо беспамятного Скока, они на минуту останавливались, смотрели

– и лица их омрачала печаль. Даже не будучи великим физиономистом, Марк уверился: дикари искренне сочувствуют раненому. Похоже, варвары совершенно не умели скрывать свои эмоции.

– Всем включить коммуникаторы в режим аудиозаписи. Настроить канал передачи данных в центральный компьютер бота.

Приказ был отдан вполголоса, но командира слышали.

– Змей?

– Я!

– Бегом в бот, настроить приемный канал! Запустить программу языкового анализа в интерактивном режиме. Да, и прихватите четыре комплекта ИВР...

– Есть!

Индивидуальный видеорегистратор представлял собой тонкую заколку, почти невидимую в волосах и малозаметную на одежде, с мощной голокамерой, замаскированной под шарик бирюзы. Любой варвар примет ИВР за дешевое украшение. Зато анализ языка пойдет быстрее, если аудиозапись будет сопровождаться изображением. Программы, разработанные ксенолингвистами, совмещали чужую речь с мимикой и жестами, вычленяя типовые схемы и соответствия. Как все это работало на уровне программных кодов и семантических блоков, Марк понятия не имел.

Вокруг кипела бурная деятельность. Весело трещал костер, обещая в скором времени в досталь жарких углей, на

которых запекут мясо. Туземцы, с оживлением переговариваясь, разделявали добычу. К поварам присоединился Змей: вернувшись из бота, он ловко орудовал десантным ножом. Подобревший Жгун презентовал охотникам шесть пустых консервных банок, вызвав у дикарей приступ бешеного восторга. Седьмую банку спасла от разбазаривания Ведьма. Сейчас она прилаживала импровизированную посуду над костром, желая сварить порцию бульона для Скока.

Марк и острозубый в суматохе участия не принимали. Оба с важным видом отдавали распоряжения, блюдя статус предводителей. В какой-то момент, не сговариваясь, они переглянулись – и в мудрые головы вождей пришла одна и та же мысль.

– Ачкохтли, – ткнул себя пальцем в грудь острозубый.

– Марк.

Незнакомые имена обоим дались с трудом. Они повторили их раз за разом, смеясь и поправляя друг друга. Когда Марк понял, что имя острозубого надо произносить так, словно ты чихаешь, держа рот открытым, дело пошло на лад. Острозубому повезло меньше. У него на чих наслаивался хриплый грудной кашель: «Марчкх!». В конце концов Марк оставил попытки исправления: сойдет!

Поспело мясо. Марка и Ачкохтли пропустили к костру, где каждый придирчиво выбрал по лучшему куску. Вожди впились зубами в жаркое, обгорелое по краям. Местная свинина оказалась жестковатой, но аромат, заглушивший болот-

ные миазмы, компенсировал этот мелкий недостаток с лихвой.

«Жизнь налаживается, – Марк ухмыльнулся от уха до уха. Жир стекал по губам на подбородок, вытирать его было лень. – С местными подружились, едой мы теперь обеспечены. Починим бот, выйдем на орбиту...»

Со стороны гор, окаймлявших долину, долетел едва слышный гул. Улыбка застыла на лоснящихся губах унтер-центуриона Кнута. Вдалеке, на пределе видимости, над горбатым краем ползла по небу темная черточка – летательный аппарат.

III

Галдеж смолк. В наступившей тишине басовитое гудение сделалось отчетливее. Марк вскинул «Универсал». Нет, он не собирался стрелять. Просто прицел офицерской модели «Универсала» давал увеличение не хуже, чем у полевого оптического сканера.

Четырехвинтовая атмосферная машина напоминала беременного жука. Ни намека на привычные обтекаемые обводы, аэродинамика – на нуле. Толстые плоскости крыльев треугольного сечения, скошенный хвост. Угловатый фюзеляж похож на гроб, над корпусом выпирает странная пирамида: фонарь пилотской кабины. Цвет грязно-бурый, словно чудо туземной техники проржавело насквозь.

Марк искренне недоумевал, как подобная конструкция вообще держится в воздухе без антигравов. Тем не менее, летающий гроб упорно карабкался по небу, натужно гудя четырьмя огромными винтами.

Костер, подумал Марк. Дыма практически нет, угли едва рдеют. Вряд ли у местных есть столь мощная оптика, чтобы на таком расстоянии отличить дикарей, собравшихся у костра, от пришельцев. С другой стороны – просека в джунглях и бот, уткнувшийся носом в болото...

Самолет шел медленно. Еще минут десять он будет оставаться в пределах прямой видимости. За это время можно трижды извлечь из бота «Тайфун» и превратить летучий гроб в груды пылающих обломков. Но пропавшего самолета хватятся. Пока есть шанс, что их не заметили...

Если сменяет курс, решил Марк, если пойдут на нас – сожгу. Сожгу к той самой матери. Он ждал, готов в любую секунду кинуться за «Тайфуном». Но спустя десять минут, бесконечно долгих для унтер-центуриона Кнута, самолет скрылся за горами, не изменив курса.

– Марчкх!

Ачкохтли осторожно тронул его за плечо, и Марк опустил «Универсал». Оказывается, все это время туземцы ждали, затаив дыхание, не решаясь потревожить вождя пришельцев, занятого удивительным, несомненно очень важным делом.

Завладев вниманием Марка, Ачкохтли быстро заговорил, но хлопнул себя ладонью по лбу, оборвав тираду на полусло-

ве. Выхватив из костра обгорелую ветку, он принялся что-то рисовать на земле. Кособокие прямоугольники на ножках, накрытые сверху треугольными крышами. Хижины? К скоплению построек шагала вереница стилизованных человечков. Закончив рисунок, Ачкохтли указал на хижины – и махнул веткой в ту сторону, откуда явились охотники.

– Там их деревня, – озвучил Марк очевидное.

Острозубый ткнул веткой в человечков, спешащих к поселению, обвел свободной рукой либурнариев, включая лежащего Скока, и улыбнулся – не губами, а, казалось, всем лицом. Белые полосы на лбу вождя сложились в дублирующую улыбку.

– Приглашают нас к себе.

Ачкохтли ждал ответа. Марк приложил пальцы к виску: «Мне надо подумать». Вождь кивнул и отошел в сторонку, дабы не мешать мыслительному процессу коллеги. Еще полчаса назад Марк бы однозначно отказался. Наизнанку бы вывернулся, нашел нужные слова, жесты, рисунки, чтобы не обидеть дикарей. Меновая торговля, совместная охота, дружеские пирушки у костра – сколько угодно! Если туземцы будут поставлять либурнариям еду – замечательно. Но главное – бот. Его надо вывести на орбиту и подать «SOS».

Чем скорее, тем лучше.

Самолет над горами не изменил ситуацию. Но один вид угловатой машины встряхнул Марка, напомнив: их ищут. Завтра летающий гроб может пройти над долиной. Не успе-

ем починить бот – возьмут тепленькими. А в деревне есть шанс отсидеться. Бот станут изучать, и можно будет подобраться к более развитым туземцам, заклеить кое-кого в рабы. Дальше – по обстоятельствам. Договоримся или провремся на орбиту, захватив местное корыто. С другой стороны, приняв предложение Ачкохтли, либурнарии потеряют время. Что делать: остаться и спешно ремонтировать бот, рискуя быть обнаруженными в любой момент? Отсиживать-ся в деревне, по очереди возвращаясь к боту – и опять же рискуя затянуть ремонт до момента, когда их обнаружат?

Решение зависит от расстояния, внезапно понял Марк.

Знаком подозвав Ачкохтли, он активировал голосферу коммуникатора, вызвав изображение местности, зафиксированное камерами бота. У вождя вырвался вздох изумления. Острозубый со страхом прикоснулся к объемной картинке и, не ощутив под пальцами ничего, кроме воздуха, вскричал:
– Итлачиаакуе!

Марк с досадой поморщился. Сделал вид, что сгребает в охапку весь лагерь, топнул ногой: «Мы здесь!» – и ткнул пальцем в сферу, отметив соответствующую точку. Затем указал на хижины, нарисованные вождем, на сферу и изобразил вопрос: «Покажи, где твоя деревня?» Ачкохтли не понял. Он переводил замороженный взгляд с Марка на сферу и обратно. Пришлось «объяснения» повторить, пробуя разные жесты и отчаянно гримасничая.

Марк дивился собственному терпению.

Наконец до вождя дошло. Он внимательней взгляделся в изображение, цокая языком. Судя по реакции, острозубый начал узнавать местность. Все еще с заметной опаской он сунул палец в сферу и, постепенно обретая уверенность, повел им вдоль кромки джунглей, мимо болота, через ниточки ручьев. Остановился – и с силой вдавил палец в глубину карты: – Ятль!

Рассмеявшись, Марк включил масштабирующую сетку. По прямой – чуть больше пяти километров. Но прямых путей через джунгли и болота не бывает. Плюс пересеченная местность, топкая почва... Два с половиной часа, если отметить маршрут в навигаторе и приноровиться к рельефу. До пяти часов на дорогу туда и обратно. Если выходить на заре и возвращаться на закате, наскоро перекусывая консервами прямо в боте... Нормально! За трое суток управимся.

– Идем в деревню! – скомандовал Марк. – Подъем!

IV

Картинка шла рваная, дерганая. В голосфере рябило от помех – словно в открытом космосе, вопреки всем физическим законам, шел снег. Борт «Дикаря» провалился назад и вверх, вокруг распахнулась голодная тьма. Звезд не было видно из-за помех, лишь отблескивал корпус проклятой лайбы, да наплывал снизу бок негостеприимной планеты – бело-голубой с прозеленью.

– Командир?

Марк был уверен, что выбрался из хижины без единого звука. Ночь, объявшую деревню, можно было резать ножом и раскладывать по тарелкам, как паюсную черную икру с Се-ченя. Тем не менее, Жгун ощутил чужое присутствие – и безошибочно определил, кто именно решил составить ему компанию.

– Я, – шепотом отозвался Марк. – Откуда у вас эта запись?

– С бортового компа в боте скачал. Вот, пересматриваю, чтоб не забыть. Они тут такие приветливые, мать их, такие добренькие, что забываешь... Не беспокойтесь, командир, я вполглаза. По периметру все чисто. Один тузик в кустах прячется.

– Тузик?

– Ну, туземец. Шагах в двадцати, без оружия. Наблюдает, значит. Думает, его не видно!

Жгун ухмыльнулся, для ясности чиркнув ногтем под левой бровью. Имплантант, понял Марк. Фасеточный глазной имплантант с инфракрасным режимом. «Вполглаза» в устах Жгуна было не фигурой речи.

– Красную пакость видите, командир?

Планету в сфере окутывала пурпурная дымка – слабая, едва различимая. Оптический феномен? Поле? Не из-за него ли пошел вразнос двигун бота?!

– Куда вы смотрите, командир?

– На планету.

– Вообще-то я про ихнее корыто...

Жгун дал увеличение. Лайба рывком приблизилась, частично утратив резкость. Стало видно: туземный корабль окружен пурпурным ореолом, как и планета. Марк попытался вспомнить, не было ли ореола вокруг местного самолета.

Вроде, нет.

Ненависть, подумал Марк. Теперь я знаю, какого ты цвета, ненависть. Пурпур и чуть-чуть золота. Он вспомнил другую, невероятно далекую отсюда ночь: пряный воздух Ломбеджи, разговор с Белым Страусом, маркизом этнодицеи. «Почему бы вам не изнасиловать одну из пленниц? – спросил Якоб Ван дер Меер. И минутой позже развил мысль: – Свобода делает меня равным вам. Плен превращает ломбеджийку в ботву. Клеймение превратит ее в раба. Во всех трех случаях ваше отношение к объекту будет принципиально разным. Вы не в силах это изменить. Эволюция научила вас видеть в человеке раба, но лишила возможности видеть в рабе человека...»

Нет, ответил Марк. Нет, господин Ван дер Меер, не думаю. Вождь Ачкохтли радушен, его соплеменники лучатся гостеприимством. Я вижу их дружелюбие, радуюсь этому, ценю удачно подвернувшийся случай. И все равно вокруг каждого туземца я вижу пурпурный ореол ненависти. Моей ненависти к ним. Да, они – дикари, не имеющие отношения к убийственной лайбе. Ну и что?! На орбите кружатся обломки «Дикаря». Плывут в безвоздушном, безводном море

группы экипажа – обугленные, смерзшиеся в ледышки. Для меня виноваты все, кого я встречу здесь. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Человек, ботва, раб – я буду его ненавидеть в любой форме существования, что бы ни говорила наша эволюция и ваша теория, господин Ван дер Меер...

Вы слышите меня, маркиз?

Лагерь свернули за полчаса. Взяли с собой лишь самое необходимое: запас воды и продуктов на три дня, медикаменты, оружие, боеприпасы, пищевые анализаторы, диагностический блок. Остальное загрузили в бот. Туземцы с готовностью вызвались помочь. Вместе с либурнариями таскали ящики и контейнеры, сгорая от любопытства, рассматривали внутренности «патлана акалли». Руками, слава Космосу, ничего не трогали.

Все бы дикари так себя вели!

Марк проверил исправность запорных механизмов, переключился на дистанционное управление с коммуникатора, и десантная аппарель встала на место, превратившись в одно целое с корпусом бота. Либурнарии по очереди приложили ладони к внешнему идентификатору. Марк зафиксировал допуск каждого. Теперь кроме них четверых никто внутрь не войдет. «Рука мертвеца» тоже не сработает – папиллярный идентификатор бота оснащен системой биометрии. Чтобы попасть в бот, либурнарий должен быть жив.

– Мы готовы, – сказал Марк острозубому. – Веди.

Ачкохтли понял: не слова – интонацию.

Тускнея и раздуваясь – огненная жаба в брачный период – солнце валилось за горы, изнемогая под собственным весом. Небо, как и вчера, затянуло мутное марево. Казалось, оно целиком состоит из кусачей мошкары. Репелленты на здешних кровососов не действовали. Лишь дешевая вудунская «черута», которую с молчаливого согласия Марка закурил на ходу Змей, заставила отпрянуть зудящее облако гнуса.

Беспамятного Скока несли впереди, как короля. Рядом с носильщиками вприпрыжку бежал молоденький туземец, усердно орудуя веткой-опахалом. Чувствовалось, что парень горд доверенной ему честью, что он переполнен этой гордостью до краев и теперь знает, о чем будет рассказывать внукам в старости.

В деревню вошли уже в сумерках.

– Это не оптический феномен. Космос. Вакуум. Ни преломления, ни рассеяния...

– Защитное поле?

– Похоже.

– Бред! Тузики едва вышли в космос! Откуда у них защитное поле?!

– А что тут не бред?

– Тоже верно. Крутим дальше, командир?

– На замедленной.

В корпусе лайбы открылся провал бойницы. Из него выползла фаллическая пушка. И вот из этого антиквариата они уничтожили «Дикаря»?! Пушка лениво изрыгнула рыжее пламя, совсем не страшное на вид.

– Сейчас...

Ненависть, думал Марк. Теперь я знаю, какой ты температуры, ненависть. Холодная, выстуженная насквозь, как сеченская казарма в ноябре. Это удивительно. Раньше я считал, что ты горячая. Я помню Катилину, его издевки, помню дуэль. Ты ведь была горячей, да?

А может, это просто была еще не ты, ненависть.

«Знаете, как вы орудуете кнутом? – спросил из прошлого Якоб Ван дер Меер. Голос ларгитасца звучал так, словно маркиз уже похоронил Марка и сейчас разговаривал с обелиском на могиле. – Деловито, умело; равнодушно. Вы работаете с ботвой, а не издеваетесь над людьми. Увидь вы ботву во мне, и я не сумею вас обидеть самыми дикими предложениями...»

Я научусь, пообещал Марк. Вот увидите, маркиз, я стану орудовать кнутом иначе. Я вложу в каждый удар душу и сердце. Ботва, не ботва, дикий охотник с голым задом, техник из космической лаборатории – кто бы здесь ни жил, кем бы он ни стал в будущем для нас, помпилианцев, он заслуживает, чтобы к нему отнеслись с соответствующим чувством.

Имя которому – ненависть.

Как выяснилось, Ачкохтли успел отправить вперед гонца. Либурнариев встречала вся деревня – больше сотни туземцев. В охристом свете факелов сверкали белозубые улыбки. Блики пламени скользили по смуглым обнаженным телам, создавая иллюзию текучего движения – казалось, гостей приветствуют танцем. Большинство и впрямь приплясывало от возбуждения. Со всех сторон слышались приветственные возгласы; кто-то от избытка чувств колотил в барабан.

Хижины в деревне оказались именно такие, как нарисовал Ачкохтли: плетеные кубы на толстых сваях, увенчанные пирамидами-крышами из вязанок тростника. Либурнариям выделили самую просторную, расположенную не в центре, а на краю деревни. Скорее всего, это был специальный «гостевой дом». Праздничное пиршество в честь гостей затянулось до полуночи. Угощения туземцы не жалели: Ведьма едва успевала проверять анализатором блюда, подносимые на пальмовых листьях. Жареное мясо, печеные овощи, свежие фрукты, густая, очень жирная похлебка, пресные лепешки... Все было съедобно. К манипуляциям Ливии дикари отнеслись с уважением – видимо, сочли их особым ритуалом. В местном пойле, которое разливали в глиняные миски из огромного горшка, анализатор показал шесть с половиной процентов алкоголя. Вкус у мутной бражки был странноватый, но приятный. Марк шепотом предупредил своих, чтоб не увлекались хмельным – дружелюбие дружелюбием, а бдительность терять не следовало.

Спать гостей отпустили поздно.

– Вот...

Закончив возиться с настройками уникома, Жгун запустил компилятор изображения. Пошла картинка с другой камеры. Декурион дал еще большее замедление. В момент, когда снаряд ударил в защитное поле либурны, поле сделалось видимым. «Дикаря» окутал золотистый пузырь; он на глазах проминался, словно воздушный шарик, в который ткнули пальцем. На боку пузыря образовалась воронка, от нее по пленке защитного поля во все стороны ползли пурпурные разводы.

Это напоминало химическую реакцию.

Коснувшись корпуса либурны, снаряд легко прошел насквозь – раскаленный гвоздь вонзился в брикет сливочного масла. В обшивке осталась дыра: темная, оплавленная. Во чреве «Дикаря» что-то полыхнуло; воронка, уходящая в недра либурны, начала чернеть, закрутилась аспидным смерчем. Тьма растеклась по пузырю, мешаясь с золотом и пурпуром...

Я ошибался, потрясенно осознал Марк. Снаряд не пробил защиту «Дикаря». Оружие туземцев вступило в реакцию с силовым полем, а затем с чем-то внутри корабля. Ракетное топливо и окислитель? Любой аналог сомнителен, но это лучше, чем ничего.

– Там энергоотсек, – прошептал он. – Рабов убрали. Ра-

ботал термоядерный реактор...

– Вы поняли, что случилось?

Жгун отключил коммуникатор.

– Искажение сигнала, посланного на зонд, – Марк размышлял вслух. – Проблемы с двигуном при входе в атмосферу. Снаряд и либурна. Боюсь, это проблемы одного порядка. Какое-то энергетическое взаимодействие? Я в этом не специалист.

– Ничего, сами расскажут, – зло процедил Жгун. – Доберемся до их спецов, заклеимим... Кстати, командир! Нам ведь нужен переводчик? Надоело, знаете ли, рожи корчить да руками размахивать...

– Переводчик? Не помешал бы...

– Так в чем проблема? Возьмем тузика в рабы – никто и не заметит. Будем через него общаться. Разузнаем, что к чему, выясним, как добраться до тех, кто здешние лоханки строит...

«Осел ты, а не командир! – укорил себя Марк. – Мог бы и первым додуматься.»

Унтер-центуриону Кнуту было очень стыдно.

V

– Я возьму того, в кустах.

Жгун жаждал действия. Стрелять, клеймить – что угодно, лишь бы не сидеть сложа руки! Марк прекрасно понимал де-

куриона, в особенности после просмотра записи.

– Действуйте. Только быстро: скоро рассвет. Дикари проснутся...

– Обижаете, командир! Что ж я, совсем тупой...

Хищно прищурившись, Жгун впился взглядом в темноту. По счастью, для глазного имплантанта ночь не была помехой. Двадцать шагов, прямой визуальный контакт. Деревня спит, пушками не поднимаешь. Условия, считай, идеальные.

Ненависть, вспомнил Марк. И похолодел, потому что ничего не ощутил. Ненависть ушла, сгинула, растворилась. Верней, Марк по-прежнему ненавидел людей, живущих на здешней планете, винил их в гибели «Дикаря», мечтал отомстить любым способом, любой ценой... Ушла ненависть к конкретному туземцу, который сейчас должен был стать рабом. Всем сердцем Марк бился в это безразличие – ничего.

Хоть бы трещинка!

«Отношения помпилианцев и их рабов, – процитировал из далекого далека маркиз Ван дер Меер, – разговор отдельный, и всегда болезненный. Нам, знающим из собственной истории, что рабство – это боль и насилие, кнут и плеть, трудно понять, а главное, принять ледяное равнодушие помпилианцев к своим рабам. Это не маска, не поза...»

Правота маркиза хлестнула больней кнута. Марк сам не заметил, как припал к земле, оскалился, будто волк – загнанный в угол, готовый для последнего броска. Дыхание хрипло клокотало в глотке. Еще, умолял Марк. Господин Ван

дер Меер, скажите что-нибудь еще! Обвините меня в черной неблагодарности! Вождь Ачкохтли принял нас, как родных, и вот чем мы платим вождю... Вспомните волчью природу помпилианцев. Подарите мне вашу брезгливость, возмущение, презрение, потому что я не чувствую ничего к ботве в кустах. Взять в рабство, использовать в качестве переводчика, оставив прежнюю, привычную схему поведения без изменений; никто из инорасцев не заподозрит, что дикарь действует под клеймом, под полным контролем хозяина... Наверное, так размышлял бы гематр, решая абстрактную логическую задачу.

Впрочем, кто их, гематров, знает?

Рядом, статуей из мрамора, замер декурион Жгун, сосредоточен до предела. Жгун уже был *под шелухой*, на время, необходимое для клеймения, перестав воспринимать реальный мир. В кустах зашелестело. Что происходит? У Марка не было глазного имплантанта. Опомнившись, он прильнул к прицелу «Универсала», включил ИК-режим. Фигуру наблюдателя он разглядел сразу. Дикарь отчаянно дергался, лежа на земле – казалось, туземец отбивается от противника-невидимки. Реакция нормальная: Марку доводилось видеть, как его соотечественники клеймят рабов. Когда *под шелухой* пси-ипостаси Жгуна крепко-накрепко привяжут объект клеймения к деревянному щиту – туземец перестанет содрогаться и в физической реальности.

Некстати Марк вспомнил, чем закончился памятный раз-

говор с Белым Страусом – ночным налетом ломбеджийцев, побоищем, в котором отряду либурнариев пришлось туго.

Он повел «Универсалом» вправо-влево, изучая местность. Чувствительный прицел давал возможность фиксировать не только людей и теплокровную живность. В темноте просматривались блекло-серые силуэты ближайших деревьев, переливались мягкой фосфорической зеленью плетеные кубы хижин, «подсвеченные» изнутри теплом спящих туземцев. Время от времени на периферии мелькали яркие пятнышки ночных зверьков.

Мелочь, ничего опасного.

Шелест в кустах прекратился. Марк поймал дикаря в прицел: туземец «звездой» распластался на земле, широко раскинув руки и ноги. Объект клеймения весь дрожал, словно в лихорадке. Станный эффект, отметил Марк. Никогда раньше такого не видел. Оторвавшись от прицела, он повернулся к Жгуну – и вздрогнул от мгновенного приступа озноба, несмотря на теплую ночь. Декуриона трясло еще хуже, чем дикаря. Незрячими бельмами Жгун уставился во тьму. По лицу его стекали крупные капли пота, губы жалко прыгали. Жилы на шее вздулись черными канатами, грозя лопнуть и забрызгать Марка кровью. Дрожь, сотрясавшая могучее тело декуриона, усиливалась, словно Жгун сдуру схватился за оголенный электрический провод, и теперь оператор подстанции увеличивал напряжение в линии, следя за мучениями бедняги со злорадной ухмылкой.

– Жгун!

Декурион не реагировал.

– Отставить клеймение!

Марк ухватил декуриона за плечо, тряхнул. Никакого эффекта. Жгун продолжал таращиться в ночь – сосредоточенно и жутко. Пальцы Марка, сжимавшие чужое плечо – камень, грозивший вот-вот пойти трещинами – свела судорога. Он ощущал дрожь, бьющую декуриона, как свою собственную. Проклятая планета! Здесь всё наперекосяк, всё не как у людей!

– Жгун!

«Мы за пределами Ойкумены, – подсказала Ведьма. – Здесь всё другое. Пространство, время, энергетика... Другие законы мироздания.» Бред, возразил Марк. «А что тут не бред?» – согласился Жгун, выглянув на миг из получасового прошлого. Нет, тогда это сказал не Жгун – он сам. Отставить, приказал Марк: на сей раз самому себе. Отставить панику, унтер-центурион Кнут! Ставлю задачу: как вытащить человека из бреда, в котором он тонет? Не просто человека – профессионального солдата, бойца абордажной пехоты? Как помочь ему *из-под шелухи*, если ты – его командир?!

Надо войти в чужой бред, кинуться на глубину – и протянуть тонущему руку.

VI

Подсознательно Марк ждал подвоха. Но хотя бы в этом ему повезло – *корсетный* контакт, против ожидания, дался легко, как никогда. Связь установилась практически мгновенно. Опасно вибрируя, поводок натянулся тетивой лука. Марк послал легкий волевой импульс: не приказ, но побуждение. Не услышав отклика, усилил давление: тщетно. Точно так же он пытался достучаться до своего раба на другом краю Ойкумены: передать приказ, заставить действовать...

Сравнение покорило.

«Осторожно! В тот раз ты едва не потерял сознание...»

Поводок сделался толще, натяжение его возросло. С большим трудом Марку удалось погасить вибрацию, отдававшуюся в мозгу неприятным басовым гудением. Он перевел дух, собираясь с силами – и усилил контакт, подбираясь к опасному пределу. К границе, из-за которой цивилиы Квинтилиса и Октуберана с презрением звали военнослужащих «десятинщиками». Десять процентов от полной мощности клея. Форсаж координирующей сетки.

Смутный отклик.

Там, в чудовищной дали, на другом конце поводка – в полуметре от Марка – что-то заворчалось, реагируя на его усилия. Ну же, давай, Жгун! Выныривай! Выбирайся... Фаг с ним, с рабом-переводчиком! Отпусти его! Обойдемся...

Слова и мысли переплавлялись в эмоции, в побудительный толчок. Мощным электроразрядом он устремился по поводку, достигая Жгуна, погребенного *под шелухой*. Связь укрепилась, Марк улавливал беспокойство декуриона, растерянность – и страх!

Страх?

Чего может испугаться помпилианец, клеймящий раба?!

С сильными энергетиками приходилось возиться дольше обычного. Брамайны, вехдены, гематры, чей ресурс свободы превосходил норму, давали бой, сопротивлялись до последнего. Сладить с ними было непросто. Но при чем тут страх?! Тяжелая работа, и хватит об этом. Господин Ван дер Меер, подтвердите: уроженец Великой Помпилии не способен бояться ботвы! Вы – ученый с просвещенного Ларгитаса, вы знаете всё на свете! Это так же невозможно, как нельзя заморозить материю ниже абсолютного нуля.

Нелепица, нонсенс!..

Взывая к авторитету маркиза этнодицеи, Марк сам не заметил, как дошел до опасной грани. Десять процентов. Форсаж! Еще чуть-чуть, и начнется «конфликтная зона», где нужно разрывать контакт – или вступать в открытую схватку с психикой ведомого.

Дуэль на клеймах.

Нет, только не это! Хватит с него одного Катилины! Но унтер-центурион Кнут, считай, видел, слышал, почти сумел понять, что творится с декурионом Жгуном... Ненависть,

напомнил себе Марк. Царская ненависть: пурпур с золотом. Ради этого стоит жить. Стоит рисковать.

Держись, боец!

В мозгу щелкнул древний переключатель. Лопнула сдерживающая мембрана, поток образов хлынул в сознание Марка, увлекаая *под шелуху*. Мироздание раскололось. Вцепившись в страховочный фал собственного рассудка, Марк пытался удержаться на краю трещины. Миг, другой, и сквозь бледнеющую ночь перед ним – зыбкой голограммой, миражом в пустыне – проступила иная реальность. Галлюцинативный комплекс, вторичный эффект Вейса.

Шелуха.

Впервые в жизни Марк Кай Тумидус видел обе реальности одновременно, запредельным усилием воли оставаясь на грани. Он не знал, что такое возможно. Он не знал, почему *под шелухой* царит лето, как и в физической реальности. Лето?! Насколько Марку было известно, во время клеймения здесь обычно стояла зима, реже – поздняя осень. Стылый ветер, колючая снежная крупа сечет лицо; белая, монохромная степь от горизонта до горизонта; над головой – небо, затянутое тучами, низкое и серое...

Вопреки традициям, декурион Жгун клеймил тузика летом.

Ясный полдень звенел от зноя. Огненно-рыжее, косматое солнце вскарабкалось в зенит, где и встало в почетный караул. Вокруг раскинулась благоухающая долина: всюду пест-

рели бесчисленные цветы, трепеща нежными крылышками лепестков. Бирюза и рубин, золото и аквамарин, кармин и перламутр; и все оттенки зелени – от малахита до изумруда. Звенели прозрачные ручьи, низвергаясь миниатюрными водопадами в ладони крошечных озер. Сотни радуг играли в водяной пыли. А посреди буйства природы, центром здешнего великолепия возвышалась пирамида.

Высокая – до небес. Древней времени; казалось, она была здесь всегда. Лианы и выюнки оплетали ее выщербленные и растрескавшиеся ступени. Из щелей росла молодая трава. Под шелковым ковром не сразу можно было различить знаки и барельефы, глубоко выбитые в камне, покрывавшие пирамиду снизу доверху.

Царицу-пирамиду венчало загадочное строение: плоское, квадратное, с темными провалами окон. На крыше его, на совсем уж крохотном возвышении, в двух шагах от близкого солнца, был распят человек. Человек счастливо улыбался. Над голым дикарем, лучащимся от радости, стоял декурион Жгун: одна из вторичных ипостасей либурнария. Остальные четыре ипостаси ждали у четырех углов возвышения, обратившись в каменные статуи.

Лицо Жгуна было искажено от чудовищного напряжения. Как и в реальности, по нему стекали крупные капли пота. Впору поверить, что декурион сражается с врагом-невидимкой не на жизнь, а на смерть. Железный прут с докрасна раскаленным клеймом завис над грудью дикаря.

«Клейми! Клейми его скорее!» – хотел крикнуть Марк. Он не понимал, почему Жгун медлит.

Прут в руке декуриона потек, словно плавясь, изменил форму и цвет. Теперь Жгун сжимал в руке нож из обсидиана – кривой, черный, жутко острый даже на вид. Лезвие ножа неумолимо приближалось к груди дикаря. Распятый засмеялся, подбадривая своего палача:

«Ну же, убей меня!»

– Брось! Брось нож! – что есть силы заорал Марк. – Это приказ!

Кажется, он кричал и там, в реальности туземной деревни, на краю подступающего рассвета, чудом удерживая себя на грани между двумя мирами, силясь окончательно не скатиться *под шелуху*.

Жгун обернулся через плечо. Ссутулился, став похожим на калеку, до хруста стиснул зубы. Медленно, с неохотой нож вновь начал превращаться в сизый железный прут. Багровым кругом вспыхнуло раскаленное клеймо. Декурион победно оскалился, зарычал, обернувшись к дикарю; рука его пошла вниз – и когда в ней опять возник обсидиановый нож, Жгун не сумел остановить движение.

Черное острие с хрустом вошло в грудь туземца.

По рукоять.

В сердце.

КОНТРАПУНКТ

ГАЙ ОКТАВИАН ТУМИДУС, ИЗМЕННИК РОДИНЫ

(на днях)

Я знал много циркачей, чей номер публика принимала с неизменным восторгом. Хохотали дети, ужасались женичины, рукоплескали мужчины. Билеты раскупались задолго до начала представлений. Как правило, эти номера получали самую низкую оценку у экспертов.

Я знал много циркачей, обласканных вниманием специалистов. Их трюки собирали гран-при на фестивалях, о них писали в учебниках по акробатике или эквилибру. За рюмкой бренди старики-интерхиталмейстеры вспоминали гениев трапеции и мэтров жонглирования, роняя скупую – случалось, что и щедрую – мужскую слезу. Как правило, публика засыпала на этих номерах, и мне стоило большого труда разбудить зрителя наипошлейшей репризой.

Я не знал никого, кто собрал бы эти противоречия воедино.

Полагаю, что это невозможно.

Иногда мне снится, что я выступаю перед Творцом. И не знаю, как работать: для эксперта – или для мальчишки в первом ряду? Кто оценит старину Луция аплодисментами или зевотой? А теперь представьте, что приговор окончателен и обжалованию не подлежит...

(из воспоминаний Луция Тита Тумидуса, артиста цирка)

– Вы вернулись, – сказал Тумидус.

Он старался не показать, до какой степени потрясла его история гематрийки. Холодней ледышки, сухая, как ветка мертвого дерева, повесть о страстях и чудесах. Тумидус не столько слышал ровный голос женщины-антиса, сколько видел, чувствовал, жил воспоминаниями Рахили. Брел по пустыне, с каждым шагом покрывая расстояние полета стрелы. Был светом, который числа. Выходил за пределы Ойкумены, смотрел на зарево, пожирающее горизонт, стоял на крови.

Отступал назад, по колено в пурпуре и золоте.

Прагматик, скептик, боевой офицер – десантура! – за пять лет жизни изгнанника-коллантария полковник научился встречать невозможное. Смирился с этим, как с рельефом местности, где надо принимать бой. В частности, Тумидус не сумел бы внятно объяснить, по каким признакам он узнает антиса с первого взгляда. Из всей четверки он лично знал двоих – Папу и Нейрама Самангана. Лица Кешаба и Рахили ему встречались в новостях. Но правда оставалась правдой – встретить полковник четверку лидер-антисов случайно,

на улице, он ни на миг бы не усомнился, кто перед ним.

Чутье, подумал он. Зверею, ориентируюсь по запаху.

– Мы вернулись, – согласился Кешаб.

– Вернулись, – Папа Лусэро снял темные очки.

Глаза слепого карлика были плотно зажмурены. Тумидус мог поклясться, что капля на левой щеке Папы – слеза, а не пот. Капля стекла к уголку рта, и Папа облизнулся длинным, неприятно узким языком. Была слеза, и нет.

– Я зашел дальше всех. На пять шагов дальше...

В реплике киттянского антиса звучала ирония. Никто не поддержал Папу, развив насмешку. На лицах остальных читалось уважение: целых пять шагов, надо же! Здесь каждый знал цену своему шагу.

– Пауки – живучие твари. Впрочем, мне все равно пришлось возвращаться. Помнишь, Нейрам?

Нейрам кивнул:

– Я думал, ты погибнешь. Глупая бравада, Папа. Ты рисковал, забираясь так далеко. Твое брюхо стало позолоченным, как дешевый медальон. Пурпур вскарабкался выше, на бока. Мы были вынуждены ждать шесть часов, пока ты соберешься с силами. Иначе ты бы не выдержал обратного пути.

– Зарево, – Папа вернул очки на место. – Знаешь, на что оно похоже? На сердце. Бейся живое сердце не в грудной клетке, а снаружи, имей мы возможность видеть, как оно пульсирует, кровоточит, содрогается... Проклятье! Меня ни к чему не тянуло так сильно, как к этому сердцу.

Он кинул в рот кусочек сахара:

– Хотя... Когда мамаша Н'доли была молоденькой сучкой с острыми титьками, я хотел ее не меньше, чем какое-то сраное сердце! О, я бы рванул к ее заднице, тряся золотым брюхом! Где ты, моя молодость? Рахиль, крошка, закрой уши ладонями. Женщине не пристало выслушивать сальности воющего козла, вроде меня.

– Ты проболел две недели, – сказала Рахиль. Похотливый монолог карлика не произвел на гематрийку впечатления. – Возвратившись в малое тело, ты свалился с лихорадкой. Кризис миновал быстро, но еще десять дней ты был похож на кусок говна.

Карлик подпрыгнул:

– Рахиль! Ты что, шутишь?!

– Нет, – лицо женщины осталось бесстрастным. – Я никогда не шучу. Про кусок говна говорил профессор Штильнер. Я всего лишь повторила его диагноз. Если быть точным, Штильнер сказал так: «говна кусок». Но мне кажется, это грамматически неверно.

Она налила себе чаю:

– Я по возвращении болела пять дней. У меня никак не прекращались месячные. Я опасалась, что это дисфункциональное маточное кровотечение. Собиралась к гинекологу, но буквально перед визитом в клинику все пришло в норму. Врач сказал, что я здорова.

– Я остался в большом теле, – вздохнул Кешаб.

Он привалился боком к стене, словно путник, измученный до последнего предела. Темная кожа брамайны, похожая на обожженную глину, приобрела оттенок пепла. Чувствовалось, что воспоминания даются великану с трудом.

– Вышел в малое, почувствовал недомогание и сразу выскочил обратно в волну. Думал, так легче будет справиться с заразой. Какой же я был дурак! В волне все обострилось, я еле держался на орбите Шраваны. Мы, брамайны, обучены терпеть. Нет, иначе: мы рождены для терпения. От страданий у нас прибывает сил. Я рассчитывал... Какая разница, на что я рассчитывал? От этих страданий у меня сил не прибавилось.

– Ты нам об этом не рассказывал, – заметил Нейрам.

Кешаб криво улыбнулся:

– Стеснялся. Гордыня, знаешь ли... У ядовитого пурпура – энергетическая природа. Когда я вернулся в малое тело, выздоровление пошло гораздо быстрее. Помнишь, я еще настаивал, чтобы все мы после визитов в Кровь сразу выходили из волны? Говорил: так легче, быстрее, безопаснее? Хорошо, что вы согласились без возражений. Я бы в жизни не признался, что мои доводы – личный опыт. Боялся выглядеть слабаком. Веришь? Я, Кешаб Чайтанья, Злюка Кешаб, опасался, что вы сочтете меня жалким ничтожеством! Позже я уверял себя, что это последствия заражения Кровью. Иначе мне было стыдно глядеть на себя в зеркало.

– А сейчас?

– Сейчас я думаю иначе. Лучше быть живым зайцем, чемдохлым львом. Ты же помнишь, я первым предложил найти нам командира. Человека, знающего толк и в осаде, и в штурме. Иначе мы, сильные, будем раз за разом заходить в Кровь и возвращаться для лечения. Биться в вызов головой – не лучшая стратегия. Нам нужна слабость с хрупким черепом, чтобы возглавить крепколобых богатырей. Извините, полковник, но я говорю правду: коллант намного слабее обычного, перворожденного антиса. Еще одно преимущество, добавленное к вашему военному опыту. Сила кружит нам голову, мешает искать решения. Сила толкает нас на подвиги, будь они неладны...

– Я была против, – сказала Рахиль. – Против любого командира надо мной.

– Я тоже, – кивнул Нейрам.

– И я, – добавил Папа Лусэро.

Тумидус наклонился вперед:

– А теперь?

– Мы согласились с Кешабом, – за всех ответила Рахиль. – Полагаю, это первый шаг к укрощению силы. Если вы примете командование, полковник, мы сделаем второй шаг. Шаг за шагом, мы пройдем Кровь и доберемся до горизонта.

– И вы станете подчиняться? Подчиняться моим приказам?!

– Мы попробуем, – ответила Рахиль. – Еще один вызов нашей силе... Мы будем стараться изо всех сил.

Каламбур остался незамеченным.

— Коллантарии не выходят в космос по одиночке, — полковник вытер платком вспотевшую голову. — Если я приму ваше предложение, мне потребуется уговорить всех членов моего колланта. Или собрать новый коллант, готовый идти в эту вашу Кровь. Я — военный, рисковать жизнью — моя профессия. Не знаю, кто еще захочет рискнуть... Учитывая, что цель похода слишком абстрактна даже для вас, будет трудно подбить людей на такую авантюру. Феномен, опасный для антисов? Расположенный за краем Ойкумены, в необжитом пространстве? Положа руку на сердце, мне и самому кажется, что вызов, брошенный вашей силе, затуманил ваш рас-судок.

Его слушали, не перебивая. Когда Тумидус замолчал, Рахиль коснулась его плеча кончиками пальцев. Для гематрий-ки это был признак высшего волнения. Впрочем, голос женщины по-прежнему звучал механически:

— Мы не все вам рассказали, полковник.

* * *

Зонд первым увидел Нейрам.

Гигантским соколом он парил над границей Крови. Вехденский антис уже знал, что здесь, *под шелухой*, высота ничего не решает. Воздух на пути к зареву был густо пронизан багровыми жилками, словно глаз, воспаленный от недосыпа.

Взмах крыльев равнялся шагу – самоубийственному движению в пурпур и золото. Нейрам хорошо помнил, как, прилетев сюда впервые, ринулся вперед, радуясь возможности пронестись над предательскими песками, и едва сумел вернуться. Сейчас он вел себя осторожнее, весь содрогаясь от этой бессильной, омерзительной, вынужденной осторожности.

Зонд напомнил ему медный кувшин, покрытый замысловатой вязью. Кувшин летел низко, между соколом и песком. Крышка откинулась, из пузатого брюшка вился дымок, сизый, как оперение дикого голубя. За кувшином тянулась зыбкая, быстро исчезающая полоса. Его легко можно было сбить: хищное пики, удар кривого клюва. Далеко-далеко, *над шелухой*, в реальности, знающей себя, как единственную, живой сгусток полей и волн по имени Нейрам Саманган смотрел на творение инженеров Великой Помпилии – стандартный автоматический прыжковый зонд модели SAS-437 «Стилус» – и размышлял: пропустить или уничтожить? Совесть меньше всего терзала Нейрама: беспилотник-исследователь шел без экипажа. Груда железа исчезнет, не оставив и следа. Помпилианцы решат, что разведчик погиб при невыясненных обстоятельствах, и вряд ли станут в обозримом будущем соваться в область Крови, иначе – систему AP-738412.

Пропустить или уничтожить?

Он принял решение. Когда зонд вошел в систему, Нейрам

проводил его внимательным взглядом. Кувшин ли над песками, творение ли инженерного гения в открытом космосе – «Стилус» с легкостью пронесся над пустыней, убийственной для антисов, и нырнул за горизонт, в полыхание зарева. На секунду Нейрам Саманган пожалел, что не сбил зонд. Слишком уж злая, бритвенно-острая зависть полоснула по сердцу. Сила завидовала слабости, не в силах – болезненный каламбур! – проследовать за ней.

«Ты этого хотел, – напомнил антис себе. – Хотел выяснить, открыт ли путь в Кровь? Вот, любуйся: открыт. Любуйся издали, если не хочешь сдохнуть по-царски: в золоте и пурпуре...»

Зонд не вернулся. Впрочем, Нейрам и так знал, что «Стилус» уцелел. Он слышал его передачи по гиперсвязи. Лишен возможности декодировать пакетные сообщения зонда, антис улавливал само движение информации, когда луч, насыщенный собранными данными, входил в гипер, чтобы умчаться в Ойкумену. *Под шелухой* это выглядело смешно: далекое бряцание металла о металл.

Там, в зареве, крышка ритмично билась о горловину кувшина. Нейрам вслушивался в ритм: осмысленный, ясный рисунок быстро превратился в нервный диссонанс, надолго умолк, чтобы возникнуть снова. Внятные цепочки звуков перемежались дурным грохотом, от которого хотелось сбежать подальше.

Нейрам так и сделал.

Совпадение или гримаса судьбы, но Нейрам Саманган оказался здесь и в тот день, когда в Кровь явились люди. Прячась за облаком, одинокий сокол с интересом наблюдал, как по пескам тащится убогий отряд: верблюд, груженный припасами, и трое усталых помпилианцев. В космосе верблюда звали «Иглой», малым пилотируемым разведчиком, а людей – экипажем «Иглы». Визит был ожидаемым: похоже, зонд транслировал ценные сведения. Сокол напрягся, готов ринуться вниз. Внезапное появление антиса заставило бы гостей остановиться, повернуть назад, выйти из среды, инфицированной не пойми чем. К помпилианцам Нейрам не питал особой любви. Он прекрасно понимал, чего – верней, кого – ищет Великая Помпилия, ненасытная прорва, за краем Ойкумены. Но антис знал: мир – не райский сад. Его надо принимать таким, какой он есть: можешь спасти – спасай. Не в первый раз исполину космоса вытаскивать людей из беды на межзвездных трассах, к какой бы расе бедняги ни относились...

...если бы сокол умел смеяться...

...если бы сгусток полей и волн умел смеяться...

...много позже, вернувшись в малое тело, Нейрам все же рассмеялся – над собой, над своим дурацким пафосом. Верблюд и трое путников беспрепятственно вошли в кровотокающие пески, а позже – в зарево. Туда, куда был заказан путь исполину космоса, лидер-антису расы Вехден: силе, вынужденной смотреть вслед слабости, дрожа от прилива чувств,

похожего на ледяной душ.

Кровь стала навязчивой идеей Нейрама. Он прилетал сюда в одиночку, отдельно от Рахили, Кешаба и Папы Лусэро. Парил в небе, дурея от бешенства, искал способы приблизиться к зареву, будь оно проклято, хотя бы на один взмах крыльев ближе, чем раньше. Боролся с заразой, проникающей в его большое тело, пробовал вариант за вариантом. Вспыльчивость – вторая натура вехденов, вспыльчивость и гордыня. Так хищная птица бьет свою жертву в полете вместо того, чтобы выковыривать личинки из трухлявого пня. «Беги! – подсказывал Нейраму рассудок. – Беги прочь и не возвращайся! Иначе погибнешь...» Сердце, если у существа, сотканного из волн и полей, есть сердце, кричало: «Борись! Не сдавайся...»

Победи сердце, и Нейрам, скорее всего, погиб бы. Одержжи победу рассудок, и Нейрам погиб бы, как антис: надломленная сила – не сила, не слабость. Страх, вгрызшийся в душу, свивший гнездо; вечный реквием по себе-былому.

Он не застал вход в систему «Дикаря». Был слишком занят: выводил из себя пурпур и золото, отлеживаясь дома, на Тире, в малом теле. О «Дикаре» он узнал от Кешаба: антисбрамайнов видел либурну собственными глазами. Парусный корабль на шести дюжинах колес малого диаметра – либурна шла по пескам, гонимая попутным ветром, напрямик в Кровь. Вдоль правого борта красовалось название, выжженное в древесине: «Дикарь».

– Удивительно, – сказал Нейрам. – Так не должно быть.

– Что тебя удивляет? – не понял Злюка Кешаб. – Ты ду- мал, они не пройдут? Если прошла «Игла» с экипажем...

Нейрам отмахнулся:

– Я о другом. Почему они шли под парусами?

– *Под шелухой*, – начал Кешаб, прищелкивая пальцами в такт сказанному, – образы первичной реальности трансформируются...

– Оставь. Я не хуже тебя знаком с исследованиями Вейса. Это же помпилианцы, Злюка! Они ходят на рабах. Значит, корабль по пескам должны были тянуть рабы: сотня, две, сколько есть на борту. В море рабы сидят на веслах, в пустыне они служат вместо лошадей или верблюдов. И тянули бы они не корабль, а повозку. А ты говоришь: корабль. Паруса – это термояд. С чего бы рабовладельцам идти на термояде? Или они собирались загрузиться рабами в Крови?

– Это не наше дело, – твердо сказал брамайн. – Нарушением законов Лиги пусть занимаются комиссары и судьи. Я знаю, Помпилия – твое больное место. После Хордада, а в особенности – после Михра, когда ты разнес в щепки Первый галерный...

Нейрам сел на кровати:

– Не говори со мной, как с ребенком! Рабы? Пусть либурна заберет всех, кто там есть в Крови! Я и пальцем не пошевелю... Я говорю о другом: Кровь стала проходным двором. Скоро туда зачествят все, кому не лень, включая тури-

стические яхты. Одни мы так и будем болтаться на границе, как дерьмо в проруби. Могучие антисы, надежда Ойкумены! Мне хочется бить посуду, когда я думаю об этом.

– Посуду? – брови Кешаба поползли на лоб.

– Да, посуду! Я же не антис, я – истеричная дамочка. Что делает такая дура, когда у нее сносит крышу? Бьет посуду...

Брамайн привалился спиной к стене. Как обычно, великан Кешаб сидел на полу, скрестив ноги: так он занимал меньше места. Чувствовалось, что шутить он расположен еще меньше, чем успокаивать нервы собеседнику.

– Думаю, они взорвались, – сказал он.

– Либурна?

– Да. Я видел вспышку. Даже на фоне зарева это было хорошо заметно. Словно в костер бросили кусок магния... Радуйся!

– Чему?

– Ты не любишь помпилианцев. Их стало меньше. Разве это не повод для радости?

Нейрам молчал. Он знал, за что Кешаба, воплощение обходительной вежливости, прозвали Злюкой – за редкие, жестокие выпады, которые били точно в цель. Если ты возмущался или лез на рожон, ты получал вдвое, втрое – пока, весь в дырках, не прекращал злить брамайна.

В антической среде бытовал некий комплекс перед уроженцами Великой Помпилии. Вернее, два комплекса – с обеих сторон. Помпилианцы испокон веку жили без антисов:

мечта о том, что когда-нибудь и среди них появится свой обладатель большого тела, оставалась несбыточной. Все попытки воплотить ее в действительность провалились, один за другим. Идея коллантов проблемы не решала, особенно после того, как сенат Помпилии объявил коллантариев изменниками, лишив последних расового статуса.

Знакомый психир, специалист по удалению застарелых неврозов, однажды сказал Нейраму: «Вы относитесь к помпилианцам, как здоровый, сильный человек – к калеке с врожденным дефектом. Стыдитесь собственного здоровья в его присутствии. Делаетесь услужливы сверх всякой меры. Испытываете иррациональное чувство вины. Даже если калека – не слишком приятный господин, склонный к насилию и извращениям, это дела не меняет.» Нейрам кивнул в ответ. Он знал, что он – единственный в Ойкумене антис, который вступил в открытый бой с галерными флотами Помпилии. Никто, никогда... Воспоминания о баталиях мучили Нейрама Самангана по ночам, лишая сна. Если под Хордадом он бился сознательно, то уже под Михром – так, что и вспоминать не хотелось...

– Взорвались, – повторил Кешаб после долгой паузы. – Погибли. Наверное... Это не все, друг мой. Я задержался возле Крови. Не знаю, сколько прошло времени по обычным меркам. Два дня? Три? Вряд ли больше... Была еще одна вспышка.

– Зонд? – предположил Нейрам. – Разведчик?

– Вряд ли. Она напоминала цветок. Ты можешь представить себе распускающийся цветок? Только очень быстро, почти мгновенно. Я видел, как в зареве распустился белый лотос. Сердцевина его была желтой, в ней что-то шевелилось.

– Что?

– Я не успел рассмотреть. Оттуда ударили нити или, скорее, очень тонкие щупальца. Лепестки лотоса стали багровыми, словно налились кровью. Они растворились в зареве, сделались невидимыми, а щупальца просвистели возле меня. Я пытался схватить хотя бы одно... Ничего не вышло. Я, Восьмирукий Танцор, хватал пустоту! Щупальца умчались мне за спину, в глубины Ойкумены. Белые, гладкие, блестящие, как снег...

Кешаб содрогнулся, вспоминая.

– Они сокращались. Волна мелких, едва заметных сокращений, на манер перистальтики. Я готов был поклясться, что щупальца всасывают какую-то жидкость. Или, если угодно, впрыскивают ее куда-то. Впрочем, они так быстро втянулись обратно, что любая моя клятва – сомнительна. Тебе не кажется, что Кровь растет? Что ее граница придвигается ближе к Ойкумене?

– Кажется, – мрачно кивнул Нейрам.

– После вспышки, родившей щупальца, я сам видел, как граница сдвинулась на шесть-семь шагов. Там, где прежде был чистый песок, сейчас ветвятся прожилки крови. Да, робкие, тonyше волоса, но они есть.

– Что ты предлагаешь?

– Тебе не понравится мое предложение.

Кешаб как в воду глядел.

* * *

Ты пешком ходишь по Космосу, щелкая метеоры, как семечки? Сплевываешь шелуху в хвосты кометам? Это значит, что ты могуч. Теперь ответь: любой ли, чья мощь велика, всеведущ? Злюка Кешаб, Нейрам Саманган – оба они знать не знали о существовании какого-то помпилианского декуриона по кличке Жгун. Но этой ночью, после рассказа Кешаба о цветке со щупальцами, антисам приснился странный сон, один на двоих. Долина, похожая на сокровищницу, пирамида, подобная древней старухе. Знаки и барельефы, заросшие травой. И двое людей на вершине пирамиды; двое, которых соединял нож из черного обсидиана.

Когда нож опустился, антисы закричали.

Позже они молчали об удивительном видении, стесняясь признаться в собственной слабости. Разве исполины кричат во сне? Молчали, не подозревая, что скажи они хоть слово – и Рахиль с Папой Лусэро сознаются в той же самой слабости. Четверо, заходившие в Кровь по колено, запомнили на всю жизнь: ночь, нож, крик.

Ничего не знал о декурионе Жгуне и полковник Тумидус, изменник родины. Впрочем, он и не видел снов с пирамидой.

Полковник редко видел сны. Он спал, что называется, без задних ног, засыпая и просыпаясь так быстро, как только мог – привычка солдата, ценящего каждую минуту отдыха.

* * *

Тумидус вертел чашку в руках.

– Я бы на вашем месте сообщил о Крови в Совет Лиги, – сказал полковник. – Не думаю, что здесь нужны военные. Ученые – полезней. Феномен надо исследовать...

– Вы слышали о Шадруване? – спросила Рахиль.

– Очень мало.

– Неважно. Поверьте мне на слово, Шадруван и Кровь – два сходных феномена. Шадруван исследовали. Дело закончилось термоядерными бомбами.

– Уничтожили? – заинтересовался полковник.

– Нет. В том-то и дело, что нет. Объект закрылся и стал недоступен.

– Даже для вас, антисов?

– Для нас – в первую очередь. Шадруван – опухоль, которую Ойкумена не в силах вырезать. Эта опухоль растет. Если мы сообщим Совету Лиги про Кровь, в итоге мы придем к бомбам. Вероятность 78,7 %, я считала.

Рахиль пожала плечами. Жест вышел искусственным. Целый ряд жестов Рахиль Коэн просто заучила, как заучивают идиомы чужого языка, чтобы пользоваться в общении с не-

гематрами. Там, где у актера – или ребенка – тысяча оттенков, у нее был один.

– Я не против бомб, полковник. В конце концов, Шадруван бомбила моя раса. Но перед бомбардировкой я хочу две вещи. Во-первых, удовлетворить свою антическую потребность в свободе перемещения. Если Кровь меня не пускает, я должна войти. Войти и выйти, по своему желанию, – голос женщины зазвучал громче, не став выразительней, – в удобное мне время, в избранном мною месте. У меня плохо с эмоциями, но эта страсть мне доступна. Она ярче, чем хотелось бы. Мне достаточно одного Шадрувана – вызова, на который я не смогла ответить.

– Мы не смогли, – поправил ее Папа Лусэро.

Рахиль проигнорировала реплику карлика:

– В Кровь вошли помпилианцы. Слабые люди в жестяных гробах. Погибли они там или остались живы, речь о другом. Куда вошли люди, войдем и мы, антисы. Вы проведете нас туда, полковник. Тайком, как диверсионную группу. С грохотом и треском, как штурмовую группу десанта. Найдите способ, и мы оплатим вам сторицей. И помните: пока мы вас уговариваем, ваши соотечественники шлют в Кровь свои корабли. Гибнут в зареве, где мы не в силах им помочь. Ваша родина отказалась от вас? Хорошо. Откажетесь ли вы от родины, легат Тумидус?

– Вы точно гематрийка? – спросил Тумидус. – Очень уж пафосно.

На губах его играла ледяная усмешка.

– Я гематрийка, – Рахиль встала. – Я умею считать. Вы согласитесь, я уверена. Вероятность вашего согласия – 87,3 %. Если вы сейчас пошлете меня в задницу, вероятность вырастет до 89,6 %.

– Я соглашусь из чувства долга перед далекой родиной?

– Нет. Вернее, не только. Родина – 43,9 %. Азарт, тяга к авантюрам, желание участвовать в таком деле, как наше – еще 20,5 %. И более 20 % – у вас есть какие-то личные цели, которые недостижимы без нашего участия. Цели были и раньше. Но теперь они сделались достижимей. Вы это поняли час назад, полковник, когда узнали про Совет антисов.

– Идите в задницу, – сказал Тумидус.

Глава третья

Облава

I

Из-за горного кряжа выползал огненный змей – рассвет. Вил кольца, шелестел чешуей на камнях. Небо вокруг змея светлело, странно близкий горизонт дрожал, как воздух над костром, и вдруг оформился контуром древнего хребта. Седловину меж двух вершин, выкрошившихся от времени, стремительно заполнял ядовитый пурпур. Вот он перелился через край, раздвоенным языком скользнул в долину, растекся по джунглям. Лизнул деревню, проснувшуюся в водовороте суматохи...

Деревню разбудил не рассвет – крик. Так кричит человек, сторяя заживо. Рвет глотку, выплескивая в мир боль, отчаяние, ужас. Вопль катится к горам, чтобы эхом отразиться от склонов, если повезет, родить лавину, как протест против мерзавки-судьбы – и смерть, вечная сестра милосердия, обрывает звук на высшей ноте.

Крик Жгуна все еще стоял в ушах Марка. Перед взором меркло иное бытие, где счастливо улыбался туземец, умирая на алтаре, а из разверстой груди дикаря бил в небеса столб

пламени, свет, лучистая энергия, уходя к солнцу. Увы, путь свету перекрыл декурион Жгун. Он навис над умирающим, и поток всей своей бешеной мощью ударил в помпилианца. Жгун вспыхнул: пух, обласканный язычком зажигалки. Он горел ослепительно-белым пламенем, которое выжигало глаза случайному зрителю. Казалось, тело Жгуна *под шелухой* отлили из чистого магния. Горели и кричали все пять «изначальных» ипостасей декуриона. И вторил им реальный Жгун – здесь и сейчас, содрогаясь в конвульсиях.

Рассвет, деревня, смерть.

Тело Марка пронзил электрический разряд. Ментальный поводок превратился в провод высокого напряжения. Часть энергии, сжигавшей декуриона изнутри, ринулась по соединительным нитям *корсета*, стремясь достичь командира. Марк едва удержался на краю обморока. Обрывая убийственную связь, он в последний момент успел увидеть, как сквозь горящую фигуру Жгуна в небеса бьет сияющий луч, как рыжее солнце впитывает пурпур, словно губка – воду...

Видения галлюцинативного комплекса истаяли туманом. Но Марку всё мнилось: он вдыхает смрад горелой плоти.

– Что случилось?! Нападение?

Борясь с тошнотой, он пропустил момент, когда рядом возникли Змей и Ведьма. Припали на колено справа и слева: «Универсалы» сняты с предохранителей, стволы ищут цель.

– Нет, – Марк закашлялся. – Жгун...

– Что Жгун?

– Он пытался заклеить туземца. Он погиб.

– Туземец?

Змей и Ведьма знали ответ. Видели неподвижное тело декуриона. Но рассудок обоих отказывался верить очевидно-му, хватался за соломинку. Чтобы принять смерть Жгуна, они должны были услышать об этом от командира.

– Декурион Жгун погиб.

Дернув кадыком, Марк проглотил ком, застрявший в горле. Сплюнул под ноги, рукавом вытер пот со лба. Щеку пронзила раскаленная игла: король здешнего гнуса хлебнул сладкой инопланетной крови. Марк раздавил гадину, выругался, как еще ни разу не позволял себе, и подвел итог:

– Туземец, полагаю, тоже.

Ведьма склонилась над Жгуном, проверяя пульс.

– Мёртв, – подтвердила она.

Глядя в прицел «Универсала», Змей отыскивал тело дикаря. Не дожидаясь приказа, коротким броском добрался до кустов, осторожно раздвинул ветки.

– Тоже мёртв, – доложил он через уникон. – Его убили.

– Убили? Кто?!

– Вам лучше знать, командир. Дикарь весь в крови. Грудь разворочена, сердце вытащено наружу... Ему что, вскрытие делали? Твою мать! Он улыбается! Его резали, а он радовался! Так и сдох – с улыбочкой...

– Мы к нему даже не подходили. Ни я, ни Жгун...

– Кто-то из местных?

– Здесь никого не было. Я бы заметил...

– У нас проблемы, командир, – вмешалась Ливия.

Марк и сам слышал drobный топот босых ног. Похоже, сюда спешила вся деревня. Вопль Жгуна перебудил людей Ачкохтли. Встав из-за гор, заря подсветила джунгли, словно далекий пожар. Над землей стлался туман, тени – длинные, зыбкие – расчертили пространство камуфляжными полосами. Они двигались, сливались и вновь распадались. Впору было поверить, что на либурнариев надвигается гигантская многоножка.

– Змей, назад! Занять оборону! Без команды не стрелять...

Как убедить туземцев, что произошло ужасное недоразумение? Что гости не убивали их сородича? Или все-таки убили? Как, не зная языка, объяснить дикарям то, чего сам не понимаешь?

Отставить панику!

Марк слабо верил, что дело удастся решить миром. Он, конечно, сделает все возможное. Но если разговор сложится наихудшим образом... Я приму этот размен, подумал он. Жизнь деревни на жизнь Ведьмы, Змея и Скока. На мою собственную жизнь. Жгуну бы понравилось такое решение. Как тебя звали на самом деле, декурион? Было же у тебя имя и фамилия...

– Змей! Возьмите оружие и боекомплект Жгуна.

– Есть!

Они возникли из тумана: большой толпой, шумной и возбужденной. Впереди – охотники во главе с Ачкохтли. Из-за спин мужчин выглядывали женщины, дети. Приковылял, опираясь на кривую палку, старец – согбенный, плешивый, с жидкой бороденкой. Подслеповато сощурился, вертя головой по-птичьи, и вдруг с безошибочностью провидца указал клюкой на кусты, где лежал дикарь-мертвец.

Приложив ладонь к сердцу, Марк картинно развел руками. Он очень жалел, что не обладает клоунским талантом деда, и искренне надеялся, что лицо его выражает недоуменную скорбь. Мол, сами теряемся в догадках, что здесь случилось. Очень сожалеем, готовы откупиться. Вряд ли это проймет туземцев, но ничего лучшего унтер-центурион Кнут придумать не смог. Игнорируя жалкое актерство Марка, четверка молодых охотников устремилась к кустам. «Приготовиться!» – шепнул Марк в коммуникатор. Палец застыл на спусковом крючке. Если кинутся – жечь всех без жалости, без разбора, не щадя боекомплекта.

Единственный шанс выжить.

Пауза тянулась, и когда она сделалась невыносимой, грозя лопнуть, взорваться градом выстрелов, охотники вернулись. Марк охнул от изумления. Парни ухмылялись так, словно получили груду подарков на день рождения!

– Ицмин Астлан-ин мочипа! – с восторгом возвестили они.

Не иначе, покойник был их злейшим врагом!

– Астлан-ин! Мочипа! – взревела толпа.

Марк едва не выстрелил, приняв рев дикарей за боевой клич. Но нет, никто не потрясал копьями, не натягивал тетиву лука. Меньше всего туземцы собирались атаковать чужаков, жмущихся друг к другу. Толпа рванула к кустам, где при виде бездыханного тела все разразились воплями радости. Враг народа, предположил Марк. Допустим, покойный успел так достать родную деревню, что население празднует его смерть. Почему соплеменники раньше не прикончили любимца публики?

– Они сошли с ума? – спросила Ведьма.

– Разговорчики! – осадил ее Марк. – Остаемся на месте. Наблюдаем.

Кусты раздались. Затрещали ломающиеся ветки. Один из дикарей оступился, пятясь задом, и едва не упал, но двое сородичей поддержали беднягу. Туземцы выносили труп: с почтением, осторожно, можно сказать – торжественно. Вряд ли вору или смутьяну стали бы оказывать царские почести. Мертвеца уложили на пальмовые листья: на таких же, только меньше размером, подавали кушанья на вчерашнем пире. Марка передернуло. Здешние добряки – канныбалы? Они собираются съесть покойника?

Женщины принесли глиняные горшки с водой. Под строгим надзором вождя, к которому присоединился плешивый старец, они принялись обмывать тело. Дождавшись конца обмывания, Ачкохтли обернулся к чужакам, широко улыб-

нулся – и направился к ним.

– Не стрелять, – предупредил Марк.

За три шага до либурнариев Ачкохтли бухнулся на колени. Ткнулся лбом в землю, замер без движения. Вслед за ним преклонили колени остальные туземцы.

– Вы чего, парни? – опешил Марк.

Туземцы простерлись ниц.

– Ачкохтли, вставай. Мы тут вообще ни при чем...

Вождь, как ни странно, внял – похоже, уловил интонацию. Он медленно разогнулся, продолжая стоять на коленях, и с благоговением указал сперва на мертвого Жгуна, а затем – на труп туземца. Выставив в ряд горшочки с цветной глиной, старец уже покрывал дикаря праздничными узорами. Ачкохтли обеими руками сделал умоляющий жест.

– Просит, чтобы мы положили Жгуна рядом, – первой сообразила Ведьма. – Хочет, чтобы Жгуну тоже оказали почести. Может, он считает, что они убили друг друга в поединке? Погибли, как воины?

– Может быть, – пожал плечами Марк.

Он колебался. Отказаться? Неизвестно, как отреагируют дикари. Отнести Жгуна к убитому туземцу? Пусть обмывают, разрисовывают, хоронят по местному обычаю? А вдруг это дикарская хитрость? Чтобы напасть, когда либурнарии будут нести тело, отложив в сторону оружие...

Марк жестами показал Ачкохтли: «Да, разрешаем. Пусть твои люди забирают тело!» В последний момент, когда чет-

верка охотников, ритуально оглаживая ладонями лица, с благоговением приблизилась к Жгуну, он вспомнил кое-что важное.

– Змей, Ведьма! Контролируйте ситуацию!

Опередив носильщиков, Марк шагнул к труп. Змей успел забрать «Универсал» Жгуна и подсумок с запасными батареями. Будучи опытным солдатом, Змей выдернул из набедренной кобуры мощный короткоствол «Шанс» – «оружие последнего боя». Однако на Жгуне еще оставался жилет-«разгрузка» с набором смертоносных «спецсредств», ремень с кармашками, набитыми всякой полезной мелочевкой...

И заколка ИВР.

О видеорегистраторе Марк вспомнил, уже сняв с декуриона жилет и ремень. Вдруг техника сумела запечатлеть то, что проглядел унтер-центурион Кнут – знатный эквилибрист, балансировавший на канате между реальностью и галлюцинациями? На лицо Жгуна, искаженное предсмертной судорогой, Марк старался не смотреть.

Он вновь занял место между Змеем и Ведьмой. Борясь с волнением, проследил, как туземцы бережно поднимают тело декуриона, укладывают на листья рядом с мертвым соплеменником, путаясь в застежках, снимают со Жгуна комбинезон. Те дикари, кто не участвовал в церемонии, были целиком поглощены зрелищем. Лишь изредка они бросали на гостей восхищенные, полные благодарности взгляды. Как

Марк ни старался, он не мог разглядеть и малейшего намека на враждебность.

Деревня клоунов?

Способна ли сотня человек притворяться столь безупречно?!

Держа людей Ачкохтли в поле зрения, Марк нащупал на уникаме гнездо универсального микро-входа. Вогнал в него острие заколки ИВР, вслепую пробежался пальцами по сенсорам коммуникатора, списывая данные из оперативного буфера. Данные с ИВР транслировались напрямую в компьютер бота, но последний час записи висел в буфере, постоянно обновляясь. Перезапись заняла десять секунд. Запустив воспроизведение, Марк задал голосфере, всплывшей над коммуникатором, пятидесятипроцентную прозрачность – так, чтобы сквозь нее можно было продолжить наблюдение за туземцами.

Назад, еще чуть-чуть...

Вот!

Судя по всему, Жгун синхронизировал ИВР с фасеточным имплантантом в глазу. Это подтверждалось фиксацией объектов и режимом съемки. Регистратор работал в инфракрасном режиме. Зеленоватая фигура соглядатая, засевавшего в кустах, была видна, как на ладони. Жгун приступил к клеймению: взгляд декуриона и камера ИВР прочно захватили дикаря. Ботва явственно вздрогнула, завертела головой, не понимая, что происходит – и, теряя равновесие,

опрокинулась на спину. Как раз в этот миг рассудок будущего раба рухнул *под шепуху*. Ботва дергалась, отбиваясь от врагов-невидимок – Марк застал это зрелище, когда поймал туземца в прицел «Универсала». Вскоре ботва замерла, покорившись судьбе: ипостаси Жгуна прочно зафиксировали чужой разум.

Деревянный щит, вспомнил Марк. Нет, вершина пирамиды!

Сперва он решил, что сознание вновь раздвоилось, воспринимая физическую реальность и галлюцинативный комплекс одновременно. И быстро понял свою ошибку: сквозь голосферу Марк видел туземцев, обмывающих тело декуриона. Откуда же этот свет? Почему он так быстро разгорается?! Грудь ботвы на записи отчетливо излучала в инфракрасном спектре. Свечение становилось ярче, насыщенней. Казалось, под слоем кожи, мышц и ребер выходил на штатную мощность реактор, заменявший ботве сердце. Марк дал увеличение. Ботва улыбалась, словно всю жизнь мечтала стать рабом декуриона Жгуна – и теперь, хвала небесам, мечта осуществлялась.

На груди туземца возник аккуратный светящийся разрез. Марк отказывался верить своим глазам, но запись не умела врать. Никто в ботву не стрелял, не всаживал копье или нож. Просто в мире галлюцинаций декурион Жгун опустил руку, и обсидиановый нож с хрустом взломал грудную клетку счастливой ботвы.

Стигматы, подумал Марк. Это называется «стигматы». Они появляются у религиозных фанатиков, у аномально внушаемых людей. Раны и ожоги без видимой причины. Но от стигматов не умирают! Разве что раны загноятся, человек подхватит заражение крови... Разрез увеличивался, делаясь глубже и шире. Ломались ребра, края раны расходились в стороны, будто их раздвигали хирургическими зажимами. Обнажилось ритмично бьющееся сердце...

Поглощен ужасным зрелищем, Марк не сразу сообразил: гомон туземцев смолк. В наступившей тишине стал отчетливо слышен звук, который нельзя было спутать ни с чем другим.

Рокот лопастей тяжелого вертолета.

II

– Астлан! Астлан патлана!

По верхушкам деревьев ударил ветер. Он быстро набирал силу урагана. Кроны акаций, самшита и голубиных слив гнулись к земле, ветер срывал с них листья и нес над деревней. В свете зари, полыхающей над горами, листья казались хлопьями черного пепла. Грохот винтов усилился. Из-за деревьев вынырнули две тупоносые машины, похожие на летающие сундуки: каждая – размером с половину десантного бота. Вооружения на вертолетах заметно не было, но на этой проклятой планете лгало все на свете!

Даже собственные глаза.

Дикари что-то возбужденно кричали либурнариям. Грохот винтов заглушал их голоса. «В укрытие!» – скомандовал Марк, первым ныряя между сваями. Трое помпилианцев распластались на земле под гостевой хижиной, включив комбинезоны в режим «хамелеон». Если бы не Скок, подумал Марк. Проклятье! Если бы не центурион Скок, по-прежнему валявшийся без сознания, мы исчезли бы в джунглях еще до того, как вертолеты возникли из-за кромки леса. Бросить раненого на произвол судьбы?! Скрепя сердце, Марк отдал бы такой приказ, когда бы от этого зависела жизнь остальных. Но коль скоро местные вертолетчики обнаружат Скока, они тут же начнут искать других. Допросят дикарей, привлекут к делу следопытов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.